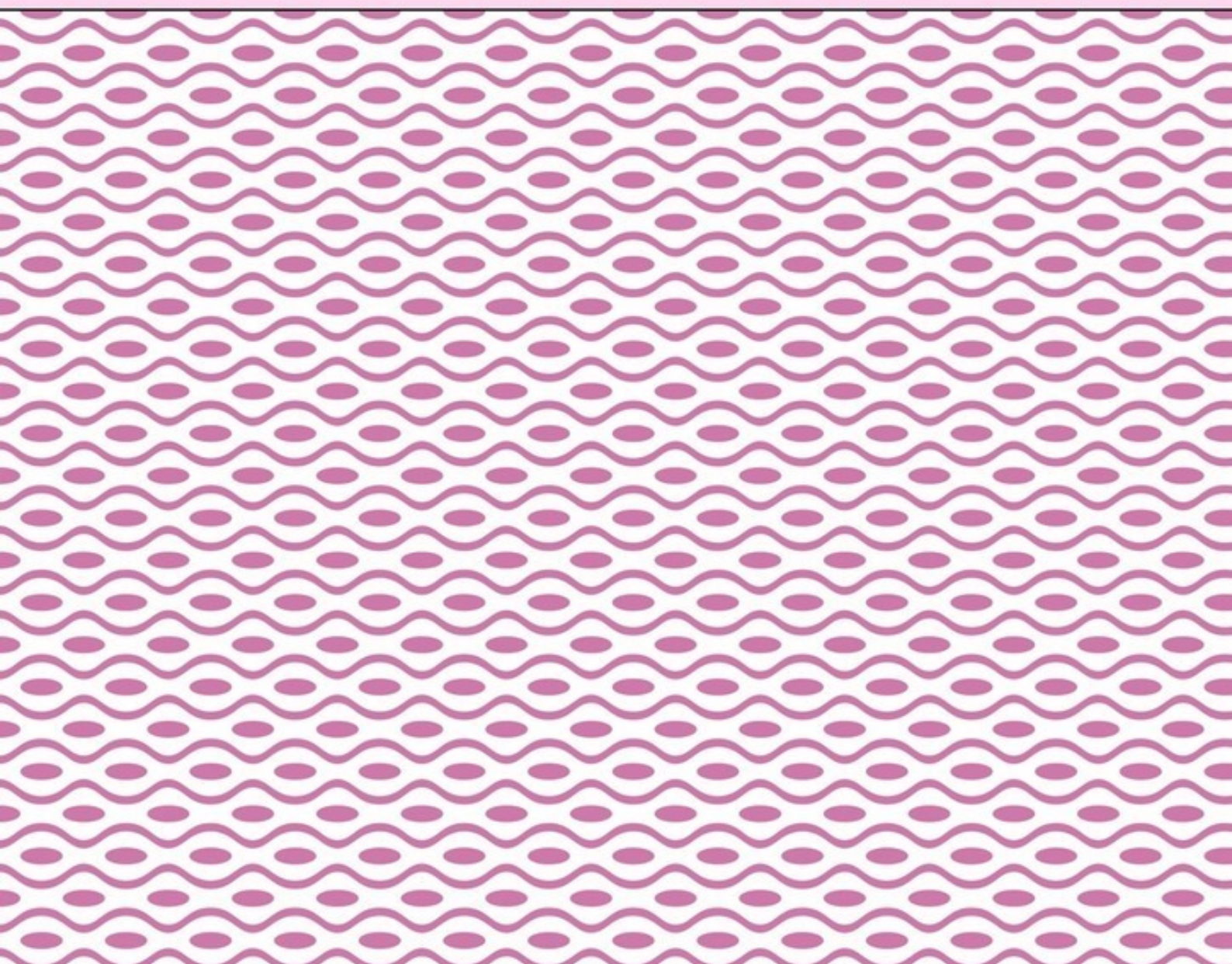

Светлана Литвакова

Зона особого влияния

Светлана Литвакова

Зона особого влияния

«Издательские решения»

Литвакова С.

Зона особого влияния / С. Литвакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853646-5

Легко ли в наше время быть ведьмой? А если тебя забросили в аномальную зону, которую нужно срочно спасать, а волшебство не действует? Где летающие тарелки соседствуют с домовыми, а в древнем городе ацтеков зреет заговор? Где студентов могут запросто сжечь на костре, а дракон дает дельные советы? Можно преодолеть всё, если рядом с тобой надёжная и верная подруга!

ISBN 978-5-44-853646-5

© Литвакова С.
© Издательские решения

Зона особого влияния

Светлана Литвакова

© Светлана Литвакова, 2020

ISBN 978-5-4485-3646-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Магистр высшей магии, профессор оккультных наук, доктор философии и прочая, прочая, прочая, повернул голову в мою сторону и, хорошо поставленным голосом, сурово изрек:

– Белова, вас, как я понял, не интересует церемониальная магия.

– Ну что вы, профессор, – чуть не поперхнулась языком я, – очень интересует! – Меня всегда поражала способность магистра замечать, казалось бы, совсем неприметные вещи. Вот как он догадался, что я не слушаю?

– Надо же, – иронично протянул ректор Грофт, – Тогда я попрошу вас продолжить.

Моя голова была занята совсем другими мыслями, довольно далекими от темы лекции. Я в замешательстве ткнула локтем Лариску и вскочила на ноги, преданно глядя в насмешливые глаза профессора. Не успев открыть рот, я тут же получила ответный толчок в бок и безмятежную улыбку подруги. Она даже не соизволила помочь, с умным видом глядя на доску и усиленно делая вид, что внимательно следит за ходом мысли профессора.

– Этот вид магии не более чем общее название для коллективных магических ритуалов, которые совершаются публично и имеют ценность для всех членов общества, – наобум ляпнула я.

– Белова, – Грофт поморщился, – если бы вы меньше отвлекались на лекциях, то вероятно, смогли бы более точно сформулировать свою мысль. – Резким движением руки он поправил галстук, слегка ослабив узел, и обвел аудиторию оценивающим взглядом. – Я преподаю в этом институте более тридцати лет и впервые сталкиваюсь со столь нерадивыми учениками. Белова забыла, что публично магические ритуалы совершались туземцами Центральной Австралии и Меланезии, да и то в незапамятные времена! Как вы себе представляете танец дождя на Красной площади или во дворе любой московской многоэтажки? Даже первокурсники знают, что наши знания потому и называются тайными, что не предназначены для непосвященных людей! – Лицо Грофта слегка покраснело от справедливого негодования.

Я представила весь наш курс пляшущими в полуголом виде на Красной площади и невольно хихикнула. Картина была бы потрясающей!

– В церемониальной магии нет схемы» клиент – профессионал», хотя шаманы и знахари должны играть руководящую роль, – продолжал Грофт.

– Какая же он редкая зануда, – прямо в ухо прошептала Лариска, – лучше бы пару новых заклинаний подкинул!

Князева, – немедленно отозвался он, – я почти уверен, что вы и прошлую лекцию не успели записать, а тем более выучить заклинания!

– Почему? – растерянно пискнула Лариска.

«Так тебе и надо!» – злорадно подумала я.

– Потому, что много болтаете на лекциях, а у меня очень хороший слух, – отрезал Грофт.

Я с укоризной посмотрела на подругу. Скоро практика и нарываться особо не стоило, тем более что слух у Грофта и впрямь был замечательным. Он вообще был человеком выдающимся.

Студенты поговаривали, что наш ректор принадлежит к тайному ордену масонов, точнее, к обществу Рейзенкрейцеров, которые всегда отличались огромным интересом ко всему

магическому и использовали магию и колдовство в своих интересах. Я не очень-то верила этим слухам, хотя кто знает? В нашем Московском Институте Оккультных Наук, коротко – МИОН, могло быть все, что угодно.

– На следующем занятии попробуем провести коллективный ритуал, но не надейтесь, что я не спрошу теорию, – закончил лекцию Грофт и величаво поплыл к выходу, стряхнув с плеча невидимую пылинку. Студенты стоя проводили ректора, с уважением глядя ему вслед.

Грофта было за что уважать. Иногда он был резковат, но всегда справедлив. Половина студентов нашего института попали сюда благодаря ректору.

В МИОНе, практически не было приемных экзаменов, студентов набирали не по знаниям, а по тому, насколько сильны магические задатки. Предпочтение отдавалось потомственным магам.

Лично я попала в институт сразу после школы.

На выпускном бале, где все танцевали до упада, мне в голову не приходило, что я продолжу образование в институте магических наук, я даже не подозревала о его существовании.

В тот день, по традиции, мы с одноклассниками гуляли по городу до утра, делясь планами на будущее. Я еще тогда сказала, что совершенно не знаю, куда буду поступать.

Когда, около пяти часов утра, я подошла к своему дому, то увидела высокого представительного мужчину у подъезда. Он прохаживался, заложив руки за спину, явно кого-то ожидая.

Он посмотрел на меня серыми пронзительными глазами и спросил, словно уточняя:

– Белова, Александра Сергеевна?

– А что вам нужно? – испуганно пролепетала я. Мало ли маньяков импозантного вида бродит по улицам города?

– Не бойтесь, – словно угадав мои мысли, сказал он приятным баритоном. – Мне нужно с вами поговорить о вашем будущем.

Вот так я и узнала о существовании МИОНа. Грофт объяснил, что министерство магии и сотрудники института разыскивают одаренных детей и приглашают их для дальнейшего обучения магии.

О своих необычных способностях я знала с самого детства, но не думала, что можно получить высшее магическое образование.

Вскоре умерла моя бабушка, и я поняла, что другого выбора нет. Решив стать студенткой МИОНа, я ни разу не пожалела об этом.

Я вдруг вспомнила, что забыла узнать самое главное и кинулась догонять профессора, который уверенно шагал по запутанным коридорам института.

– Артур Викторович! – я чуть не споткнулась на повороте, зацепившись плечом об угол и, слегка вскрикнула от боли, быстро представив огромный синяк к завтрашнему утру.

Грофт остановился и, повернувшись ко мне недовольным лицом, спросил:

– Ну что вам еще, Белова?

– Артур Викторович, – торопливо заговорила я, боясь, что он уйдет, – я хотела узнать насчет практики.

– А что у вас с практикой? – Он удивленно приподнял бровь. – Сдаете зачеты, получаете допуск и вперед, так сказать, к свершениям!

– Я слышала, что в этом году второкурсников тоже допустят в Зону. Это правда? – робко поинтересовалась я, переминаясь с ноги на ногу.

– Да вы нахалка, – задумчиво протянул Грофт, рассматривая меня так, как будто видел в первый раз. Он немного помолчал, пока я с трепетом ждала ответа, а затем так же задумчиво добавил: – А, собственно, почему бы и нет? Все будет зависеть от вас. Если вам удастся с первого раза сдать черную магию, то у вас есть шанс. В этом году второй курс действительно допустят в Зону, если конечно кто ни будь из вас сдаст экзамены.

– Но, Артур Викторович! – отчаянно запротестовала я, – у Эльвиры Петровны еще никто с первого раза не сдавал зачет! Она обязательно отправит на пересдачу!

– Вот вы, Белова, и попробуйте, может, будете первой, – он равнодушно пожал плечами и, развернувшись, неторопливо зашагал дальше, кивая встречным студентам и преподавателям, которые с почтением здоровались с ним, уступая дорогу.

Я сжала кулаки и, мысленно приказав себе успокоиться, решила отправиться в общежитие, посоветоваться с Лариской. Надо было подумать о том, как я буду выкручиваться с этим дурацким зачетом.

С полчаса поблуждав по бесконечным коридорам, я, наконец, вспомнила про указатель и быстро отыскала его.

Надо сказать, что наш институт находится почти в центре Москвы, но кроме посвященных, мало кто сможет догадаться, что мебельный магазин с табличкой «ремонт» на стеклянных дверях и есть вход в МИОН.

Мы каждый день входили в двери магазина, точнее, сквозь них, так как стекла там просто не было. Иллюзией был и ржавый замок на двери и сама табличка, и даже паутина, свисавшая с потолка и опутавшая витражи.

Пароль менялся каждый день – без заветного слова просто невозможно было войти – он снимал наложенное заклятие, правда, совсем ненадолго, только чтобы перешагнуть порог. На этом меры предосторожности не заканчивались. Наши мудрые преподаватели чуть-чуть сдвинули пространство, поэтому мы сами смутно представляли себе, где именно расположены три этажа лабиринтов с классами, лабораториями, спортзалом, кабинетами и огромным общежитием. Коридоры института постоянно меняли свое направление – там, где вчера была столовая, завтра мог оказаться спортзал, поэтому специально для студентов, вдоль стен были расположены светящиеся указатели. От волнения, я совсем забыла о них и напрасно потратила полчаса своего времени. Как преподаватели могли безошибочно находить дорогу в этих запутанных лабиринтах, для меня оставалось загадкой.

Лариска сидела на кровати и, высунув язык от напряжения, подпиливала ногти, периодически вытягивая руку, чтобы полюбоваться своей нелегкой и кропотливой работой.

Я раздраженно смахнула с тумбочки маникюрный набор, плюхнулась рядом с подругой, демонстративно вздохнула и уставилась в стену перед собой, всем своим видом демонстрируя полную безнадежность.

– Не трогай мой набор! – заверещала Лариска, не сразу очнувшись от такой вопиющей наглости.

Маникюр – для нее святое. Она готова часами заниматься своими ногтями, выщипывая несуществующие заусеницы, подпиливая, полируя и смазывая всякой гадостью красивые ухоженные руки.

– Не ори! – коротко бросила я и отвернулась.

– Ты что? – переполошилась Лариска. – Что случилось? Ты только не расстраивайся! – заранее стала утешать она, соскочив с кровати и торопливо наливая воду в стакан.

Лариска – добрейшей души человек, имела один недостаток, ее настроение менялось как погода. От истеричного крика она могла перейти к тихим утешениям, от веселого смеха – к бурным слезам. А вот если впадала в ярость – берегитесь все, кто оказался рядом! У меня часто возникало желание придушить ее, но быстро проходило, все-таки лучшая подруга.

– Не надо воды, – я оттолкнула ее руку со стаканом. – Дело просто труба! Мы не попадем в Зону!

– Тьфу, напугала! – Лариска с облегчением поставила стакан на место. – Я думала что случилось! Ничего страшного, – она беззаботно тряхнула головой и забралась с ногами на кровать. – Стоит ли из-за этого расстраиваться?! Пройдем практику в лаборатории, как большинство студентов.

«Ну что за дурацкий характер!» – подумала я, разозлившись на подругу. – «Живет одним днем! А то, что у меня трагедия, ее не волнует!»

– Ничего себе! – возмущенно сказала я. – Ты хочешь сказать, что тебе наплевать?! – Да ты..., – я не сумела подобрать слов, – ты ничего не понимаешь! – У меня даже зубы клацнули от злости!

– А что тут особенного, – пожала плечами она и брякнула вообще глупость: – Не попадем в этом году, попадем в следующем. – С беззаботным видом она продолжила рассматривать свои пальцы, с любовью поглаживая каждый из них.

– Вот уж, действительно, блондинки с мозгами не дружат! Ты хоть понимаешь, что без хорошей практики мы можем вылететь из института гораздо раньше?! Знаешь, сколько новых заклинаний мы можем там узнать?! Чему новому ты научишься в лаборатории? Звание мастеров получили только те, кто практику в Зоне проходил! – Я уже не знала, что сказать или сделать, чтобы достучаться до ее куриных мозгов и от этого злилась еще больше.

– Да ты что! – картинно всплеснула руками Лариска. – А остальные? – преувеличенно заинтересованно спросила она, дразня меня. – Неужели не окончили институт и не получили дипломов?

– Остальные получили только дипломы, а не звания мастеров, поэтому объявления в газету дают: «Сниму сглаз, порчу, приворожу, отворожу!», – опять разозлилась я. – Нравится тебе такая перспектива? Будешь, как дура, порчу снимать, да присушки делать для браков по расчету!

– Ах, какие мы особенные! Порчу снимать нам не нравится! Мы не такие, как все, мы – великие маги! Не слишком ли хорошо ты о себе думаешь? – ехидно спросила она. Увидев несчастное выражение моего лица, Лариска смягчилась. – Ладно, не ной, будет тебе Зона. – Она хитро подмигнула голубым глазом.

– Да что ты можешь сделать? Зачет у Черепановой нам с первого раза не сдать! Разве у тебя могут быть нормальные идеи на этот счет? – отмахнулась я, в душе сгорая от любопытства.

При воспоминании о зачете по черной магии, у меня сводило челюсти. Я прекрасно знала, что практических навыков по черной магии на экзамене с меня никто требовать не будет, это запрещено институтскими правилами. Мало ли что наколдуют неопытные студенты, а преподавателям потом расхлебывать! Несмотря на то, что предстояло сдавать только теорию, все равно было страшно.

Все студенты, буквально с первого курса знали, что черный маг или колдун, решивший использовать свои знания, становился почти вершителем судеб человеческих. Все зависело только от его совести и моральных устоев. Не каждый колдун использовал черную магию во вред людям, но уж если хотел... он мог превратить жизнь человека в ад, как в моральном, так и в физическом смысле.

Особенно непредсказуемыми были колдуны «самоучки», обладающие наследственным даром, передающимся от отцов к сыновьям и от матерей к дочерям и сыновьям. Свой дар они, обычно, обнаруживают случайно и не получив разъяснений о том, как придется расплачиваться за каждую поломанную судьбу, безбоязненно творят, что хотят.

Нет, я, конечно, тоже была потомственной ведьмой – моя бабушка Марья перед смертью передала мне свою силу, но вместе с ней она передала и человеческую мораль – относиться к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе. У меня не всегда это получалось, характер не сахарный, но я старалась. А потом, получив бабушкину силу, я сразу решила, сила – силой, а высшее магическое образование мне не повредит. Грофт меня в этом убедил, когда рассказал о МИОНе. Тем более что в институте к этой самой морали относились очень трепетно и внушали студентам, что свой дар нужно использовать только во благо.

Я планировала закончить магическое обучение и, получив звание мастера, посвятить себя дальнейшему изучению магических сил природы, а для этого нужно было, как минимум, попасть в аспирантуру. Из всех предметов, преподаваемых в институте, дорогу в эту самую аспирантуру преграждала суровая Черепанова со своей черной магией!

Лариске было проще. Потомственная ведунья-травница, она обладала меньшими амбициями и не парилась по поводу того, что она будет делать после института.

По примеру своей прабабки, Князева Лариса Ивановна, красавица семнадцати лет от роду, собиралась запереть себя где нибудь в глуши сибирских лесов и приносить пользу всем страждущим. Правда было не понятно, как она собиралась сочетать жизнь отшельницы и свои городские привычки: бегать по три раза за день в душ, менять шмотки каждые два часа, покрывать ногти лаком, а потом бояться мыть посуду, чтобы эти самые ногти не испортились.

Мои размышления прервала подруга:

– Я тут кое-что придумала! – Лариска просто сияла в предвкушении того счастья, которое должно меня охватить после того, как я услышу, что именно она придумала. – Эльвира Петровна – моя троюродная тетка! – радостно заявила она.

– Ну и что? – уныло спросила я, не видя никакой связи между предстоящим зачетом и этим заявлением. – Об этом весь институт знает. Что нам это даст? Эльвира принципиальная и не станет делать поблажек только потому, что ты ее родственница. Даже не надейся на это!

– Я знаю к ней ключик! – Лариска даже подпрыгнула от избытка эмоций. – Она не сможет отказать!

– Ну и какой? – спросила я, ни на что не надеясь.

Обычно «замечательные, потрясающие и великолепные» идеи подруги кончались обыкновенным пшиком, это в лучшем случае, а в худшем – просто неприятностями.

– Она влюблена в дядю Андрея! – торжественно заявила Лариска, ожидая моей бурной радости по этому поводу.

– Кто такой дядя Андрей? – не проявляя восторга, но с робкой надеждой поинтересовалась я. Вдруг, этот дядя Андрей окажется волшебником и исполнит три желания, как золотая рыбка?!

– Дядя Андрей друг моего отца и работает проводником в Зоне! – Она сказала это так, как будто я была просто обязана это знать.

– А он отвечает ей взаимностью? – начиная догадываться, куда клонит Лариска, спросила я. – Надеюсь, что он страстно в нее влюблен и просто мечтает о том, чтобы помочь нам попасть в Зону!

– Кто его знает? – задумалась подруга, – он человек скрытный, с него слова клещами не вытащишь. Я только знаю, что Эльвира каждую практику со студентами в Зоне проводит, прямо сама напрашивается! С чего бы это? Других достойных мужиков там нет, значит, она влюблена именно в Андрея! По-моему, это вполне логично!

– Логично, – согласилась я и добавила, – а что, Эльвира у нас красавица! Почему бы твоему дяде Андрею и не влюбиться в нее? Я думаю, он к ней тоже неровно дышит! Иначе, зачем бы она каждый год в Зону ездила? – сделала окончательный вывод я. – Значит, будем исходить из того, что он в нее по уши влюблен! Как будем действовать?

– Надо ему позвонить и встретиться для серьезного разговора. Я думаю, что он не откажет. Не будет же он, в самом деле, портить карьеру дочери своего лучшего друга! – Лариска решительно стукнула кулачком по нашей многострадальной тумбочке. – Вот прямо сейчас пойду и позвоню!

Утро было славным. Сентябрьское солнышко беззаботно начало свой путь, разгоняя по дороге легкие, но настырные облака, которые таяли после долгого и упорного сопротивления.

Под ногами, разноцветным ковром расстилались кленовые листья, которые еще не успели убрать дворники, придавая аллеям нарядный вид.

Кафешка, куда мы направились прямо с утра, располагалась недалеко от института. Кормили там вполне прилично, хотя и дороговато для вечно нищих студентов.

Мы с Лариской не успели позавтракать, поэтому лелеяли робкую надежду на то, что дядя Андрей не окажется жмотом и накормит нас вкусным завтраком, поскольку денег у нас не было. Разве можно считать деньгами пять рублей на двоих?

Лариска напялила на себя короткую юбку и блузку, с декольте почти по пояс, по крайней мере, мне так казалось, и многочисленные прохожие, непрестанно оглядывались на нее, мужчины – с одобрением и восхищением, женщины – с осуждением и завистью.

Посмотреть было на что. Лариска была достаточно высока, но при этом стройна, как молодая березка. Все было при ней: шикарные волосы цвета червонного золота, узкая талия, высокая грудь и широкие бедра, огромные голубые глаза и ноги от ушей.

Впрочем, Лариску совсем не трогали все эти взгляды, ее голова была занята совсем другим, а она не умела думать о двух вещах одновременно.

Я оделась гораздо скромнее. Надо сказать, что я достаточно равнодушно отношусь и к одежде и к своей внешности, поэтому, долго не раздумывая, надела синие джинсы, водолазку канареечного цвета и легкую ветровку, благо было достаточно тепло. Краситься тоже не стала.

Косметику я применяю редко, поскольку на моем веснушчатом лице для нее просто не хватает места. Рыжие волнистые волосы я незатейливо собрала в пучок, прицепив заколкой в виде зеленого крокодила. В общем, обыкновенная студентка с неброской внешностью. Единственное, чем я могу гордиться, так это глазами. Они у меня большие, кошачьи, густо зеленые, просто прелесть, а не глаза.

Вывеска при входе в кафе, с помощью нарисованного румяного поваренка, предлагала хорошо провести время и вкусно поесть.

Мы толкнули тяжелую дверь и вошли внутрь, немного волнуясь перед предстоящей встречей. Эта встреча должна была стать решающей в нашей дальнейшей карьере, по крайней мере, в тот момент нам так казалось.

В кафе было пусто. Не было никого, даже преувеличенно суетливые официантки отсутствовали, видимо, в подсобке пили свой утренний кофе.

Выбрав столик с веселенькой скатертью в красный горошек и букетом кленовых листочков в хрустальной вазе, мы стали ждать нашу надежду в лице влюбленного в Эльвиру дяди Андрея. «Надежда» не заставила себя долго ждать.

В кафе вошел высокий загорелый мужчина со светлыми волосами.

– Это он! – с восторгом прошептала Лариска, не скрывая своего обожания. – Ты только посмотри, какой красавец!

Восторг подруги стал понятен, когда мужчина подошел к столику: мужественное лицо, твердый подбородок с милой ямочкой, прямой нос, мудрые серые глаза, слегка сжатые узкие губы и малюсенький шрам на левом виске. Просто мечта, а не мужчина! В такого и я бы запросто могла влюбиться, поэтому чувства Эльвиры Петровны сразу стали понятны. Именно из-за него, она каждый год проводит практику в Зоне!

– Привет, – коротко бросил дядя Андрей и добавил, глядя на меня, – Аникин Андрей Павлович, можно просто Андрей.

– Здравствуйте, – откликнулась я, сразу решив, что красавца, которому на вид не дашь больше тридцати лет, вполне можно называть по имени.

Он не стал садиться за столик, а сразу ушел куда-то вглубь помещения. Через минуту он вышел, а еще через пять вокруг нас захлопотали официантки, быстро накрывая столик к завтраку. Они не спускали с него глаз, улыбаясь и всем своим видом демонстрируя полнейшее

расположение. Девушки суеились, стараясь по очереди, как бы случайно, коснуться его кто рукой, кто бедром, кто пышной грудью.

Обаяние Андрея действовало на них безотказно, хотя присутствие Лариски явно раздражало. Я заметила их неприязненные взгляды, которыми они одаривали ничего не подозревающую подругу. Ее красота действовала им на нервы, заставляя сравнивать себя с нею. Сравнение было, естественно, в пользу красавицы Лариски!

Андрей не произнес ни слова, молча наблюдая, с каким аппетитом мы поглощали завтрак, кстати, действительно очень неплохой.

Когда мы проглотили по последнему куску ватрушки, запив ароматным чаем, он спросил, обращаясь к Лариске:

– Зачем звала?

– Дядя Андрей, – Лариска заговорила на удивление хладнокровно, без обычных для нее эмоций, видимо, присутствие друга отца действовало на нее успокаивающе, – тут такое дело. Мы хотим проходить практику в Зоне.

– Ну и что? – неподдельно удивился он. – Проходите на здоровье! Я-то здесь причем?

– Дело в том, – замялась Лариска, – что ректор подпишет направление, только в том случае, если мы с первого раза сдадим зачет по черной магии. – Она замолчала, выжидательно глядя на Андрея.

– Все равно не понял? – нахмурился он.

Я прошептала короткое заклинание. Невидимая рука стукнула Андрея по лбу. Он машинально потер лоб, почувствовав мое мелкое хулиганство, и с осуждением глянул в мою сторону. Я сделала вид, что меня сильно интересует муха на скатерти и, мысленно извинилась.

– Не за что, – буркнул Андрей, а я от неожиданности подпрыгнула на стуле.

Лариска выразительно покрутила пальцем у виска, что явно адресовалось мне, и продолжила:

– Еще никто никогда не сдавал зачет с первого раза у Эльвиры Петровны! – Она тяжело вздохнула и умоляюще сложила руки, – Помогите, пожалуйста!

– Ах, вот в чем дело, – нахмурил брови Андрей. – Ничего у вас, девочки, не выйдет! – Он с таким осуждением посмотрел на Лариску, что она невольно втянула голову в плечи. – От тебя, Князева, я такого не ожидал! Учить надо! – Он решительно поднялся и пошел к выходу.

– Дядя Андрей! – сделала еще одну попытку Лариска. – Помогите, пожалуйста! Вы наш последний шанс!

Он остановился, обернулся, и сказал голосом, в котором отчетливо прозвучали металлические нотки:

– И чтоб это было в последний раз! Я не выполняю просьбы подобного рода!

Мы опустили головы, а я попыталась мысленно стукнуть Аникина по затылку.

– Даже не вздумай! – насмешливо посоветовал он, взглянув на меня, и вышел.

– Облом! – констатировала Лариска, задумчиво глядя ему вслед.

– Без тебя знаю, – огрызнулась я. Идея Лариски, как обычно, превратилась в пшик. – Что делать будем?

– Попытаемся сдать зачет самостоятельно, – вздохнула подруга. – Что еще нам остается делать?

– И как тебя эта простая идея сразу не пришла в голову?! Постараемся сдать зачет! – передразнила я. – Проще полететь в космос! Зачет мы не сдадим, а это значит – прощай Зона! А кстати, откуда у твоего Андрея такая чувствительность? Другой бы не услышал моих извинений, если только он не телепат.

– Ты дура, – вдруг, разозлившись, брякнула Лариска. – Во-первых – он не мой, а во-вторых, в Зону кого попало не берут! Аникин обладает такой интуицией, что тебе и не снилось!

Он, конечно, в отличие от нас, не учился в МИОНе, а, всего-навсего, закончил авиационный институт, но много чего знает и умеет! А вообще-то он уфолог-любитель, – с гордостью добавила она.

– Уфолог-любитель – это не профессия! – парировала я. – Ладно. Пошли в институт, мы и так опаздываем. Кстати, кто сегодня первую лекцию читает? – Мы уставились друг на друга и с воплем: «Караул! Эльвира!», выскочили на улицу.

Когда мы, запыхавшись, влетели в аудиторию, Эльвира что-то писала на доске.

– Доброе утро, Эльвира Петровна! – дуэтом поздоровались мы. – Можно войти?

– Вы уже вошли, – великолепным контральто откликнулась Черепанова. – И что же могло вас так задержать, юные дамы, если это конечно не секрет? – иронично поинтересовалась она. – Я могу узнать причину вашего вынужденного опоздания?

– Больше такого не повторится! Это случайность! Можно, мы потом все объясним? – заныла Лариска, надеясь, что про объяснение Эльвира забудет.

– Ладно, садитесь, – великодушно разрешила Черепанова, как-то странно посмотрев на нас.

Мы с облегчением заняли свои места.

– Будильник забыли завести? – ехидно поинтересовался кто-то сзади.

– Отвянь, – угрожающе прошипела Лариска, и голос испуганно умолк.

– Нужно проводить четкое различие между колдовством и знахарством, – продолжила Эльвира. – Колдун или ведьма почти всегда практикуют черную магию, хотя позиция Ордена колдунов России иная – нельзя однозначно отождествлять колдовство с черной магией. В то же время, знахари, также как колдуны и ведьмы, могут причинять не меньшее зло.

– Эльвира Петровна, – раздался чей-то голос позади нас. – Если черная магия – зло, то для чего она нам нужна? Нас учат применять волшебство только во благо!

– Черная магия, Крамаренко, – безошибочно определила говорившего Эльвира, – это не только средство причинения зла, это, в большей степени, способ устрашения. Людям свойственно бояться всего необъяснимого, загадочного. В этом смысле, колдун или ведьма страшнее потому, что никому не видно их действий, а, следовательно, трудно понять, каким именно образом колдун действует на человека, например, убивая при помощи своего двойника. Кроме того, если вы не будете знать черную магию, то не сможете защитить от нее ни себя, ни когонибудь другого!

– А знахарь? Вы сказали, что он тоже может применять черную магию, – не унимался Крамаренко – толстый, ленивый и вечно ноющий тип с прыщавым лицом. – Чем тогда отличается знахарство от черной магии?

– Знахарство использует доступные действия и предметы, ритуал можно наблюдать и, если нужно, прервать. Это, по крайней мере, поддается определенному анализу. Действия же колдуна, обычно, ненаблюдаемые, в них нельзя вмешаться, они непредсказуемы и во многом зависят от его внутренней силы, хотя магические предметы также с успехом используются. Вопросы есть? – Эльвира обвела аудиторию лучистым взглядом.

Я невольно залюбовалась Черепановой – невысокая хрупкая брюнетка лет двадцати пяти на вид, с алебастровой кожей, стройной фигуркой и пронзительно синими глазами. Строгий костюм и закрытая блузка придавали ей немного чопорности, но в целом, абсолютно не портили впечатления. Аникин был просто обязан в нее влюбиться! Правда, характер у нее был еще тот! Властная, жесткая, негибкая, в общем – настоящая ведьма!

– Многие разделяют магию на черную, белую и серую, – не успокоился Крамаренко. – Как вы к этому относитесь?

– Отрицательно, Крамаренко! Черной магией я называю ту магию, которая направлена во зло, хотя это тоже относительно. Предположим, что твой отец ушел к другой женщине, твоя мать страдает, но ты можешь вернуть его. Ты это сделаешь?

– Естественно! – не задумываясь, отозвался Крамаренко.

– А какая это будет магия на ваш взгляд? Белая? Черная или серая?

– Конечно белая! – с умным видом ответил этот придурок.

– А вы, Белова, как считаете? Какого рода магию применит в данном случае Крамаренко? Стоит возвращать этого человека в семью? – неожиданно обратилась ко мне Эльвира.

Я поняла, что у меня появился шанс хоть немного задобрить преподавателя, если я отвечу правильно.

– Только в том случае, если он захочет этого сам, – твердо ответила я, хорошо помня тему предыдущей лекции.

– Объясните, – Эльвира смотрела на меня с интересом.

– С точки зрения Крамаренко, – я повернулась и показала ему язык, – и его мамы, если конечно предположить, что она очень любит своего мужа, я бы сделала доброе дело, вернув этого человека в лоно семьи. Но...

– Продолжайте, – подбодрила Черепанова.

– С точки зрения этого мужчины – моя магия зло! Можно заставить человека совершить поступок против его воли, но невозможно изменить то, что у него внутри. Он будет несчастлив, сам не понимая почему. Кроме того, несчастлива будет и его жена, оттого что несчастлив он.

– Хорошо. Немного путано, но, в принципе, верно. – Эльвира довольно улыбалась. – Еще вопросы есть?

– Эльвира Петровна, – не выдержала Лариска, – а по какому принципу набирается группа для прохождения практики в Зоне? Туда могут попасть все желающие?

– А разве вам не сказали? – удивилась Эльвира.

– Нет! – дружно загудели мы. – А сколько человек? А когда? А где находится Зона? А что там происходит? – посыпались вопросы.

– Тихо! – рявкнула хрупкая Черепанова так, что все разом умолкли. – Объясняю. В группе будет десять человек. Отбирать кандидатов будет Совет преподавателей. При отборе учитываются личные качества и познания в той или иной области. Группа должна состоять из специалистов разных направлений. К сожалению, не многие из вас попадут в Зону, а только самые лучшие!

– А другие группы? – спросил кто-то. – Из каждой группы по десять человек?

– Вы не поняли. Десять человек со всего института, – пояснила Эльвира.

По аудитории прошелестел вздох разочарования.

– Зачет можно сдать и со второго раза, – подвела итог я. – Чего зря париться? Нам все равно ничего не светит! Маловероятно, что мы попадем в эту десятку, скорее всего, наберут старшекурсников! У них и опыта побольше и знания получше! Как жаль, что у нас нет шансов!

– Жаль, – согласилась Лариска, но по ее лицу было видно, что она не сильно расстроилась. – А может оно и к лучшему?! Ну, ее, эту Зону! – беспечно махнула рукой она. – Проживем и без нее какнибудь! Не мы первые, не мы последние!

Я вынуждена была с ней согласиться. Действительно, что я, не проживу без Зоны?

– Ты права! – махнула я рукой, а на душе заскреблись кошки.

Следующий день прошел без особых потрясений. Мы почти свыклись с мыслью о том, что в Зону нам не попасть, поэтому сосредоточились на других занятиях – зачеты, к сожалению, никто не отменял.

В отличие от студентов других вузов, у нас не было летних каникул – нужно было собирать травы и изучать зельеварение, поэтому экзамены приходились на осень, а практика, соответственно, прихватывала часть зимы.

Зимние каникулы это, конечно, хуже, чем летние, но деваться было некуда – издержки магического образования.

Когда в аудиторию вошел, точнее, вкатился Колобок – Колобков Дмитрий Федорович, настроение у всех мгновенно улучшилось.

Студенты просто обожали этого чудаковатого профессора Истории Магии. Фамилия Колобка была полностью оправдана его внешностью: маленький толстый человек, абсолютно лысый, с пухлыми румяными щеками, картофельным носом, толстыми губами, смешной ямочкой на подбородке и добрейшей душой.

– Итак, молодые люди, начнем! – он лучезарно улыбнулся, отчего по лицу разбежались лучики мелких морщинок, и потер ладошки друг о друга. – Начнем, так сказать, очередной экскурс к истокам магии! Я не думаю, что вам придется столкнуться со средневековым колдовством, но кто знает, молодые люди, кто знает...

Мы затихли в предвкушении интереснейшего повествования, профессор Колобков замечательно умел рассказывать.

– Среди многих народов Центральной и Западной Африки была распространена вера в то, что колдун не производит ритуальных действий, не издает звуков и не обладает медицинскими познаниями. Колдун действует психически! Считалось, что способность к колдовству передается по наследству, впрочем, это факт и спорить с этим мы не будем.

Люди боялись колдунов потому, что у них не было отличительных признаков, хотя некоторые народы утверждали, что колдуна можно узнать по его красным глазам, что является абсолютной чепухой. Среди вас я не вижу ни одной ведьмы или колдуна с красными глазами, не так ли? – Он весело засмеялся и вновь принял серьезный вид. – Если в определенной местности умирал человек без видимых причин, то такая смерть считалась колдовством. Смерть, обусловленная колдовством, должна быть отомщена! Колдуна убивали тем или иным способом, а затем начиналось самое интересное! Родственники убиенного требовали доказательств – вдруг зря ухлопали любимого дядю, брата или отца. Доказательство виновности в колдовстве заключались в том, что на краю могилы, в присутствии людей, производилось вскрытие трупа предполагаемого колдуна и, в его тонком кишечнике искали, так называемую, колдовскую субстанцию.

– А что это за субстанция? – влез неугомонный Крамаренко. – Ее можно потрогать? Или это что-то неосязаемое?

– А это, уважаемый Евгений, – совсем не рассердился Колобок, – предмет. Просто любой предмет округлой формы, найденный в тонком кишечнике. Если бедолаге не повезло, и он случайно проглотил такой предмет, то его смерть была правомерной, и он считался колдуном. Таким образом, его вина была доказана!

– А если ничего не находили? – спросил кто-то.

– А вот тогда, родственники убиенного, который умер, не будучи виноватым, брали его кишки и хлестали по лицу тех, кто обвинил его в колдовстве!

– И все?! – кровожадный Крамаренко был разочарован.

– Не совсем. Тот, кто делал вскрытие, должен был понести наказание, причем независимо от того, была найдена колдовская субстанция или нет. Он проходил обряд очищения: его несли к реке, омывали руки, поили специальной настойкой и не давали есть и пить, пока он полностью не очистится, так сказать, не смоет свои грехи. Сейчас мы быстренько напишем самостоятельную работу, а на следующем занятии поговорим о мифах, – закончил Колобков свою лекцию.

– Дмитрий Федорович! – на всякий случай решила спросить я, – а вы ничего не расскажете о Зоне? Скоро практика и многие из нас хотят туда попасть.

– Ну, отчего бы не рассказать, – неожиданно согласился он, – только очень коротко, у нас мало времени.

– Расскажите! – раздался целый хор заинтересованных голосов. Оказывается, не только мы с Лариской хотели туда попасть.

– Аномальная зона была обнаружена уфологами несколько лет назад. Никто не знает, где она расположена на самом деле, но вход туда находится на территории Московской области. Место поистине сказочное. Там собраны всевозможные персонажи из разных сказок и мифов, причем они живут и действуют по собственным правилам. Вся внутренняя жизнь поддается магическим законам, поэтому для студентов нашего института это великолепная возможность попрактиковаться и узнать много нового. Кстати, жители Зоны часто делятся со студентами своими колдовскими знаниями. До сих пор Зона считается безопасной для людей, но несколько лет слишком маленький срок, чтобы мы могли быть полностью в этом уверены, поэтому количество студентов, проходящих там практику, строго ограничено. Надеюсь, что в дальнейшем, практику там смогут проходить все желающие.

– Мы не доживем! – выкрикнул кто-то. Студенты засмеялись.

– А что говорят сами жители Зоны? Откуда они взялись? – спросила Лариска.

– Судя по всему, они сами не знают. Говорят, что жили там всегда. В этом и заключается загадка Зоны. Она возникла неожиданно, существует в том пространстве, в котором просто не может существовать по законам физики! Как говорить, очевидное, но невероятное! Кстати, в этом году меня пригласили провести занятия в Зоне, поэтому буду рад всем, кто сможет туда попасть, – закончил Колобок, пожелав нам удачи на экзаменах.

– Сегодня мы поговорим о религиозной магии, – начал свою очередную лекцию профессор Грофт. – Религиозный культ, обычно, состоит из целого ряда магических ритуалов, которые входят в Церемониальную магию. Часть этих ритуалов вытекает из содержания данной религии, а другие рассматриваются, как противодействия магическим представлениям. Примером может служить обряд экзорцизма, или изгнания дьявола, злого духа. Этот ритуал широко используется в католической церкви. Это своеобразная религиозная магия, направленная на борьбу с черной магией.

– А теургия? – спросила любознательная Лариска.

– Совершенно верно, – согласился Грофт. – Другим примером может служить теургия – использование магических средств для поклонения богу или слияния с ним. Такие обычные для христианства обряды, как молитва, крещение, причащение, покаяние и другие, имеют явные признаки магии! Иисус Христос предстает в образе величайшего мага, который владеет техникой экзорцизма, левитацией, техникой материализации и предсказания.

– Получается, что когда мы, с молитвой обращаемся к Иисусу, то с помощью религиозной магии обращаемся за помощью к, величайшему в истории человечества, магу? – спросил Крамаренко.

– А вот над этим вы и подумайте, уважаемый Евгений! – Грофт постучал указкой по столу, требуя тишины. – Надеюсь, что к предстоящим экзаменам все готовы? – спросил он. – Тот, кто не сдаст экзамен хотя бы на три, будет отчислен! Все помнят, что отчисленным студентам запрещено заниматься всеми видами деятельности, связанными с магией?

– Все! – ответил нестройный хор голосов.

– Вот и хорошо! Хочу пожелать всем удачи и напомнить, что только лучшие из вас попадут в Зону! Поверьте мне, там есть, на что посмотреть и чему поучиться!

Я толкнула Лариску локтем.

– Опять душу травит! – прошептала я.

– Да нет там, наверное, ничего интересного, – ответила она. – Просто он хочет, чтобы мы хорошо сдали экзамены!

– Конечно, я очень хочу, чтобы студенты достойно сдали экзамены, особенно вы, Князева! – немедленно откликнулся Грофт. – Только Зона, в самом деле, представляет интерес,

особенно для студентов МИОНа! Вы больше нигде не сможете получить тех знаний, которые даст вам Зона, естественно, если вы туда попадете!

– Ну вот, – уныло протянула я, – опять хочется попасть в Зону!

– Слушай, я знаю одну предсказательницу, – прошептала Лариска. – Давай смотаемся к ней после лекций!

– Она действительно предсказывает, или просто людям головы морочит? – поинтересовалась я.

– Обижаешь! Она мне предсказала, что я поступлю в институт и вот я здесь!

– Тоже мне, предсказание! – фыркнула я. – В наш институт принимают только тех, кто имеет способности к колдовству, а у тебя прабабка ведьма! Тут и к гадалке ходить не надо, такие таланты передаются по наследству!

– Да ладно тебе! Что мы теряем? – Лариска шептала, не отрывая взгляда от профессора и делая вид, что внимательно слушает лекцию.

– Князева, Белова, я вам не мешаю? – с насмешкой поинтересовался Грофт. – Может быть мне выйти, чтоб вам было удобнее?

– Извините, профессор! – поспешила сказать я. Грофт мог запросто вышвырнуть из аудитории или не допустить к экзаменам!

– Мне не нужны ваши извинения, – отрезал Грофт. – Мне нужны ваши знания, а для этого, будьте любезны, не отвлекайте друг друга разговорами, не имеющими отношения к теме!

После лекций, сбежав с урока физкультуры, мы отправились почти на другой конец города, где жила прорицательница.

На пороге квартиры, расположенной на шестом этаже девятиэтажного дома нас встретила седая сухонькая старушка. Она открыла дверь, как только мы вышли из лифта.

– Я знала, что у меня будут гости, – приветливо улыбнувшись, сказала она. – Проходите!

Мария Ивановна, так звали старушку, жила одна в трехкомнатной квартире, уставленной множеством самых разных вещей.

Здесь были какие-то старинные кресла, комоды, уставленные слониками, хрустальными лебедями и статуэтками из самых разных материалов, шкафы, стулья и прочая мебель, неизвестно какого века.

Было очень много книжных полок. Книги были совершенно разные, начиная от «Капитала» и заканчивая самыми современными детективами.

– Я люблю читать, – сказала она, заметив, что я с интересом рассматриваю книги. – Правда последнее время зрение подводит, – пожаловалась она, – приходится надевать очки.

– А вы, действительно, можете предсказать будущее? – спросила я.

– Смотря кому, – старушка усадила нас на диван. – Некоторым могу, а некоторым нет.

– А от чего это зависит? – продолжала расспрашивать я.

– От человека это зависит, милочка, от человека! – ответила Мария Ивановна. – Есть люди, которые покоряются судьбе, а есть такие, кто свою судьбу сам делает!

– Сколько будет стоить ваше предсказание? – на всякий случай спросила Лариска, потому что денег у нас было совсем мало.

– Я не беру денег, – строго сказала предсказательница, – или ты забыла? – она укоризненно покачала головой, обращаясь к Лариске.

– Столько времени прошло, – смутилась подруга.

– Да и откуда у студентов деньги? – лукаво улыбнулась старушка.

– Откуда вы знаете, что мы студентки? – удивилась Лариска и тут же спохватилась, – ах, да!

– Люди, конечно, благодарят, кто чем может, – она обвела взглядом захламленную комнату, – ишь, сколько натаскали! Отказывайся, не отказывайся, все равно несут! Вроде тесно,

а выкинуть жалко, люди от души старались! Пойдемте, предсказаниями я занимаюсь в другой комнате.

Она завела нас в маленькую комнату, где царил полумрак из-за плотно закрытых шторам окон.

В комнате стоял круглый стол, накрытый красной скатертью и несколько стульев с высокими спинками.

– Присаживайтесь, – пригласила Мария Петровна и зажгла витые свечи в трехглавом подсвечнике.

Она принесла большой хрустальный шар и положила его рядом со свечами.

Присев на стул, она долго всматривалась в поверхность шара и молчала.

– Ну что там? – не выдержала Лариска. – Мы сдадим экзамены?

– Да, – немного помедлив, ответила старушка. – Только это совсем не тот экзамен, о котором вы думаете.

– Мы попадем туда, где хотим проходить практику? – спросила я.

– Это зависит не от вас, – как-то совсем уж загадочно ответила Мария Петровна.

– А от кого? – разочарованно спросила Лариска. – Неужели от ректора?

– От Эльвиры! – вмешалась я. – Не сдадим зачет, и прощай интересная практика!

– Нет. Скорее, от того места, куда вы так стремитесь попасть. А вот от вас будет зависеть возвращение, конечно, если вы туда попадете!

– Ничего не поняла, – пожала плечами Лариска.

– Больше ничего не могу сказать, – старушка задула свечи.

– Чепуха это, а не предсказание! – сказала я, когда мы вышли от старушки.

– Согласна, – пожала плечами Лариска. – Зря потратили время, – вздохнула она, направляясь к метро. – Я рассчитывала совсем на другое предсказание!

Женька Крамаренко, ходячее недоразумение с туповатым выражением лица, вышел из аудитории шестым.

– Ну, как, – лениво поинтересовались остальные, уже зная ответ.

– Пересдача, – печально подтвердил наши мысли Женька. – Эльвира, как с цепи сорвалась! Такие вопросы задает, только держись!

– Ну, все! Сейчас и я завалюсь! Чего ждать, если результат заранее известен? – Лариска решительно шагнула в аудиторию, совершенно не надеясь сдать зачет.

Через десять минут Князева вышла с абсолютно счастливым лицом идиотки.

– Я сдала! Представляете?! Даже билет взять не успела! Эльвира просто поставила «зачет» и все!

– Совсем – совсем ничего не спрашивала? – недоверчиво переспросила я. – Это не похоже на Черепанову! – Я была удивлена.

– Только про травы. Я ей пару рецептов рассказала, – растерялась Лариска.

– А каких рецептов, бестолочь?! Ты можешь толком объяснить? – разозлилась я. – Ты же черную магию сдавала, а не зельеварение!

– Бабушкиных, – вконец расстроилась Лариска. – Вы только не подумайте, что это потому...

– Что она твоя троюродная тетка! – хором закончили мы Ларискину мысль.

– Ребята, но я, правда, не знаю, почему она так, – чуть не плакала Лариска. Ей было неудобно, что она, в отличие от других, так легко отделалась.

– Да успокойся ты! Никто не думает, что у тебя блат! Эльвира не такая, – вразной заговорили возбужденные студенты. У каждого из нас вновь появилась надежда.

– Все! Пожелайте мне удачи! – я решила больше не оттягивать момент своего провала. Надежда на то, что мне случайно повезет, как Лариске, была мизерной. Будь, что будет! Я шагнула в аудиторию, обернувшись напоследок.

– Удачи! – дружно пожелали однокурсники. – Ни пуха, ни пера!

– К черту! – с благодарностью выпалила я, почувствовав на секунду, что именно к нему и иду.

Черепанова сидела за столом, оперев подбородок на руку. Она внимательно взглянула на меня и предложила:

– Садитесь, Белова.

Я робко присела на краешек стула. Не то что бы я боюсь Черепанову, просто иногда теряюсь от ее непредсказуемости и суровости.

– У меня к вам предложение, – Эльвира продолжала внимательно меня рассматривать, отчего я вконец смутилась и даже слегка покраснела. – Я хочу проверить, как вы владеете защитной магией. Сейчас я воспроизведу заклинание тяжелейшей порчи. У вас будет три минуты, в течение которых вы сможете применить встречное защитное заклинание. Если вы этого не сделаете, то умрете через четверо суток, конечно, если я не попытаюсь вас спасти. Вы готовы? Да, я знаю, что это запрещено правилами, – ответила она на мой немой вопрос, – но ситуация исключительная. Так вы готовы? Если нет, то можете взять билет и отвечать, как все.

– Готова, – после секундного размышления ответила я, вспомнив все бабушкины уроки. Терять мне было нечего, теорию я знала слабо.

Полыхнувшие синим огнем глаза Эльвиры, встретились с моими, зелеными. Она читала заклинание молча, воспроизводя все формулы и звуки в уме. Это был очень сложный метод и не все студенты смогли, хотя бы отчасти, овладеть им.

Энергетика опытной ведьмы была физически ощутима. Я даже слегка испугалась, что не справлюсь, но вовремя взяла себя в руки. Не убьет же она меня, на самом деле! Права не имеет!

Поединок длился несколько секунд. Я почувствовала, как мое заклинание отбросило черную энергию Эльвиры, полностью защитив меня от ее воздействия.

Черепанова вздрогнула и слегка отшатнулась назад, как от пощечины. У меня получилось! Встречное заклинание сработало! Мне даже не пришлось произносить его вслух!

– Что это было? – спросила Эльвира, после недолгой паузы. – Я впервые сталкиваюсь с подобной магией.

– Защитное заклинание моей бабушки, – не стала скрывать я.

– Но в нашей программе этого нет! – удивилась Черепанова и тут же похвалила, – молодец!

Я скромно потупила глаза, скрывая бьющую ключом радость от похвалы самой Черепановой!

– Давайте зачетку. – Эльвира протянула руку и, не раздумывая, поставила зачет.

Когда я вышла, победно улыбаясь, Лариска сразу все поняла и, взвизгнув от радости, повисла у меня на шее.

Она никак не могла избавиться от этой дурной привычки! Я немного ниже ростом и держать на своей шее подругу, которая болтает в воздухе ногами, навалившись всем своим весом на мои хрупкие плечи, было неинтересно!

– Слезь с меня немедленно! – я бесцеремонно оттолкнула Лариску, которая ничуть не обиделась.

Я испытывала такой восторг от одной мысли, что могу попасть в Зону, что просто не могла ни о чем говорить. Мне совсем не хотелось отвечать на многочисленные вопросы студентов, посыпавшиеся со всех сторон.

– Позже расскажу! – пообещала я и потащила подругу в кафе, праздновать радостное событие. Тогда я еще не догадывалась, что имела в виду Эльвира, когда говорила об исключительности ситуации.

Экзамены и зачеты были благополучно сданы и, наступил тот решающий день, когда мы должны были узнать, кто из нас попадет в Зону.

С утра институт гудел, как растревоженный улей. Во всех закоулках длинных коридоров обсуждались недостатки и достоинства претендентов, которыми, по сути, были все студенты второго, третьего, четвертого и пятого курсов.

Старшекурсники задирали носы, прекрасно понимая, что их шансы гораздо выше наших. Они пренебрежительно посмеивались, глядя на наши мученические лица, стараясь всем своим видом показать неоспоримое превосходство.

Перед самым заседанием Совета преподавателей институт затих.

Студенты выстроились перед дверью актового зала с напряженными лицами. Некоторые молились, некоторые пытались шептать заклинания, что было абсурдным, поскольку Совет поставил мощнейшую защиту, как раз от таких хитроумных студентов. Повлиять с помощью магии на решение Совета было невозможно.

Вызывали по пять человек. Когда я услышала свою фамилию, сердце бешено заколотилось. В пятерку попали: я, Лариска Князева, Женя Крамаренко и еще двое ребят с нашего курса, фамилии которых мне не запомнились.

У меня вообще плохая память на имена, фамилии, исторические события и химические формулы. Сама удивляюсь тому, что могу быстро и безошибочно запоминать длиннейшие заклинания, их узор и цветовую гамму! Никогда не понимала, отчего память бывает так выборочна?

Мы робко вошли в актовый зал и выстроились внизу, напротив высокой сцены, где восседал Совет Преподавателей МИОНа. В его состав входили: ректор института профессор Грофт, доктор Окультиных наук Черепанова, профессор Колобков, заведующий кафедрой шаманизма Ким Шойгу, преподаватель Медицинской магии Иванова и два человека из Министерства Управления Магическим Образованием – суровые дядьки в костюмах и галстуках.

Преподаватели долго рассматривали нас, изредка переговариваясь. Они говорили так тихо, что внизу ничего не было слышно, это сильно раздражало наши, и без того натянутые, нервы.

– Крамаренко свободен, – негромко произнес седовласый Грофт и о чем-то зашептался с Черепановой.

Женька вышел, крепко сжав губы и с трудом сдерживая слезы.

Мне стало совсем нехорошо. Я взглянула на Лариску, которая дрожала, как осиновый лист и взяла ее за руку, пытаясь успокоить. Вместо этого, мы стали дрожать вместе, слегка постукивая зубами.

– Зайцман и Свиридов свободны, – вновь раздался голос ректора.

Меня в очередной раз поразила цепкая память Грофта, он помнил всех студентов в лицо, всех восемьсот двадцать восемь человек! Такой памяти стоило позавидовать. Я не помню ни одного случая, чтобы Артур Викторович, спутал имя, фамилию или курс студента.

Мы с Лариской вдруг одновременно успокоились, приготовившись двинуться к выходу. Нам показалось, что ректор уже указывает нам на дверь.

– Белова, зачем вам Зона? – спросил Грофт, внимательно взглянув на меня.

– Учиться! – коротко ответила я, совершенно не зная, что еще сказать. Сердце опять бешено забилося от робкой надежды. Грофт никогда не задавал вопросов просто так!

– Князева, вы такого же мнения? – обратился он к Лариске, словно изучая ее внимательным взглядом.

Она молча кивнула, проглотив, застрявший в горле комок.

– Но это же второй курс! – громко воскликнул дяденька из министерства.

Черепанова что-то быстро зашептала ему на ухо и, его лицо стало постепенно вытягиваться.

– Вы уверены? – растерянно спросил он. – Это же очень рискованно!

Эльвира кивнула и ободряюще улыбнулась нам.

– Вы приняты в состав группы, – произнес Артур Викторович. – Предварительную консультацию получите у Эльвиры Петровны. Отправка через три дня. Вы свободны. – Грофт кивком головы указал нам на дверь, но теперь совсем в другом смысле!

Только в коридоре мы до конца осознали, что наша мечта сбывается! Зона, со всеми ее чудесами, была у нас в кармане!

Переглянувшись, мы, молча, обнялись и помчались собирать вещи, провожаемые завистливыми взглядами студентов.

Через три дня институтский автобус с десятью студентами и двумя преподавателями двинулся по направлению к Домодедовскому аэропорту.

Вместе с нами в Зону отправились: Владимир Жуков и Сергей Сандуленко с третьего курса нашего факультета практической Магии; Марина Власенко и Игорь Злотников с четвертого курса; братья близнецы Королевы, Саня и Ваня с факультета паранормальной психологии, с третьего курса; Николай Иванов и Василий Цой с пятого курса факультета шаманизма.

Мы познакомились только вчера, на общем собрании, которое провела Эльвира перед отправкой в Зону, но ребята подобралась вроде неплохие.

Они совсем не кичились тем, что были старше и опытнее, кроме Марины, которая первые пол часа строила из себя чуть ли не Моргану. Потом ей это надоело, и она стала нормальной девчонкой, которая, так же как и мы все, впервые отправилась в Зону.

Мы весело болтали, не замечая, что преподаватели чем-то сильно озабочены.

Всегда жизнерадостный Колобок, с серьезным видом, напряженно слушал Эльвиру, которая вполголоса о чем-то рассказывала. Время от времени он прерывал ее и задавал вопросы, все больше и больше хмурясь.

Когда автобус остановился, и Эльвира стала торопливо поправлять прическу, мы поняли, что приехали на место.

Окна автобуса были наглухо закрыты, поэтому мы даже не представляли, куда именно нас привезли. Эту меру предосторожности ввели сразу после открытия Зоны, дабы любопытные студенты не вздумали на каникулах самовольно проникнуть в запретную местность.

Мы вышли из автобуса и оказались на опушке небольшой рощи. На улице было прохладно, поэтому все дружно натянули теплые куртки.

Я огляделась. Вдалеке была видна дорога, по которой без остановки двигались машины. Почти рядом с автобусом стояли несколько деревянных домов, которые, скорее всего, пустовали, поскольку окна были забиты досками. Похоже, что мы остановились у заброшенного дачного поселка. Никаких признаков, что Зона находится рядом, я не заметила.

Вокруг не было ни души, кроме Андрея Аникина, который нас встретил.

Поздоровавшись, он тут же о чем-то возбужденно заговорил с преподавателями, периодически выразительно жестикулируя.

Мне удалось уловить только обрывок фразы: «... происходит расширение», впрочем, я тут же об этом забыла, залюбовавшись осенней красотой рощи.

Она была смешанной: трепетные, тонкие осины с покрасневшей листвой; стройные белые березки, совсем облетевшие; огромные клены, разбросавшие почти все свои разноцветные листья и гибкая лещина с остатками недоеденных белками орехов. Стояла завораживающе торжественная тишина...

Очнулась я оттого, что Лариска дернула меня за рукав:

– Пойдем, – громко прошипела она, – мы и так отстаем!

Мы бросились догонять группу, которая ушла далеко вперед.

– Не отставать! – резко бросил Аникин, когда мы догнали остальных ребят.

Мне показалось, что он сильно расстроен. Лариске, видимо, тоже, потому что она с удивлением взглянула на него.

– Нужно завязать глаза, – напомнила Эльвира.

Студенты, побывавшие в Зоне, рассказывали, что их вели с завязанными глазами, опять же из предосторожности, чтобы никто не знал туда дороги.

– Не нужно, – махнул рукой Аникин, – вход скоро сдвинется и, скорее всего, появиться в другом месте.

Минут через пятнадцать мы остановились возле огромного дуба. Дерево – гигант словно стояло на двух толстых ногах. Так казалось из-за того, что у основания ствол раздвоился, а, соединившись метрах в трех над землей – образовал высокую арку, похожую на ворота в сказочное королевство.

– Вот мы и пришли, – Аникин снял куртку, оставшись в легкой спортивной майке, обнажившей загорелые мускулистые руки.

– Все готовы? – спросил он.

Мы дружно кивнули.

– Все хорошо, не беспокойтесь, пожалуйста, – добавил запыхавшийся Колобок.

– Ненадолго все почувствуют легкое головокружение, – предупредил Андрей. – Так всегда бывает при входе в Зону. – Он первым шагнул через арку.

Мы по очереди, решительно, последовали за ним. Замыкала цепочку Эльвира Петровна, внимательно глядя по сторонам.

На мгновение в моих глазах вспыхнул яркий свет, слегка закружилась голова, но все сразу прошло.

Я подошла к ребятам, стоявшим по другую сторону дуба, и только потом почувствовала, что мне жарко.

Лариска, которая шла впереди меня, уже сняла куртку и с любопытством оглядывалась вокруг.

Я зажмурилась и снова открыла глаза. Дуб стоял на месте, деревья были зелеными, солнце грело во всю мощь и... было лето.

– Не удивляйтесь, – заметив наше состояние, улыбнулся Андрей, – в Зоне всегда лето! Здесь нет смены времен года!

– А мы уже в Зоне? – пискнула Марина, слегка испуганно, словно ожидала немедленного нападения Серого волка на Красную шапочку.

– Мы уже в Зоне! – весело подтвердила Эльвира, увидев наше замешательство.

Братья Королевы переглянулись и, Ваня спросил:

– Вы чувствуете? Рядом есть какие-то существа, но это не животные и не люди!

– Здесь действительно кто-то есть! – подтвердил Саня.

– Значит так, – вмешался Аникин, – здесь повсюду кто-то есть, поэтому не отвлекаемся, шагаем друг за другом след в след. В разговоры с незнакомцами не вступать, пока на базе не получите нужных инструкций. В Зоне не все так, как вам может показаться. Идем молча. Эльвира, – он запнулся, – то есть Эльвира Петровна – замыкающая. Пошли! – он разозлился сам на себя за оплошность и зашагал по едва заметной тропинке.

Мы осторожно шли за проводником, стараясь не смотреть по сторонам, что очень плохо получалось.

Справа и слева кусты постоянно шевелились, выдавая чье-то присутствие, но самих обитателей Зоны видно не было. Меня не покидало ощущение, что за нами внимательно наблюдают.

Примерно через полчаса мы вышли на большую поляну, где стоял двухэтажный бревенчатый дом, с прилегающей верандой, увитой плющом. Неподалеку находился колодец с деревянным срубом и журавлем.

– Это наша база, – сообщил Аникин. – Здесь вы будете жить на протяжении всего времени, пока будет длиться ваша практика.

На краю поляны был выстроен туалет, с кокетливым резным козырьком над дверью из струганных досок. Позади дома виднелся большой пруд, заросший камышами.

– Удобства на высшем уровне! – весело констатировал Игорь Злотников, махнув рукой в сторону туалета.

– А ваше высочество привыкло к пятизвездочным отелям? – с легким сарказмом поинтересовался Иванов – парень, приехавший из далекого чукотского поселка где-то на Камчатке.

– Все построено из местного материала, – перебил ребят Андрей, – мы не можем нарушать экологический баланс Зоны. Здесь нет водопровода, электричества и канализации. – Он кивнул, давая понять, что разговор на эту тему закончен. – Девочки располагаются на втором этаже, мальчики на первом, в доме есть соответствующие комнаты. Душ, мужской и женский, сразу за домом. Туда следует натаскать воды. Баня, – он показал бревенчатое строение на другом краю поляны, – общая. Мыться будем по очереди. Сейчас приводим себя в порядок и собираемся на веранде, для получения дальнейших инструкций.

Пока Андрей говорил, дверь дома открылась, и на крыльцо вышел невысокий крепкий старик с окладистой седой бородой. Он был одет в просторную полотняную рубаху навыпуск, с вышитыми красными петухами на груди, и широкие штаны. На ногах странного старика красовались новенькие лапти, вместо пояса – веревка с узлами на концах.

– С прибытием! – загудел дед сочным басом, неторопливо спускаясь по высоким ступеням.

– Хлеб да соль этому дому! – с поклоном проговорила Эльвира Петровна.

Я впервые видела Черепанову кланявшейся и слегка удивилась. Видимо она соблюдала какие-то неписанные правила Зоны.

Дед подошел к нам и без предисловий спросил у Андрея, хитро прищутив маленькие глазки:

– А салыца-то принесли?

– А как же! – Аникин порылся в рюкзаке, достал внушительный шмат сала, завернутый в чистую тряпицу, и передал подарок деду.

Дед развернул сало и с видимым удовольствием поднес к носу, похожему на вареную картошку. Вдохнув несколько раз чесночный аромат, он аккуратно завернул подношение и прогудел:

– Ну, спасибо, уважили! Детишки твои? – Сало незаметно скользнуло в глубокий карман необъятных штанов.

– Мои, – подтвердил Андрей, улыбаясь.

– Это хорошо, что твои, а не чужие, – пробубнил дед себе под нос. – А баловать не будут?! – вдруг строго спросил он, неодобрительно поглядывая в нашу сторону.

– Не будут, – поспешил заверить Андрей. – Они у меня дисциплинированные!

– Инструкции получили? – дед вдруг перешел на баритон, и, погрозив нам скрюченным пальцем, добавил, глядя на Аникина, – без меня не поучать! Давеча лесавки баловались, а Лесовик не углядел, у Ненилы чаи с травками распивал! Безобразят в лесу! – Он печально покачал головой, но тут же, почесав бороду, весело добавил, – будем знакомиться, студенты? Меня Доброжилом кличут.

Мы переглянулись.

Колобок покашлял, требуя внимания.

– Доброжил, Доброхот, Кормилец, Суседок, Ботанушко – различные названия доброго духа дома. Попросту – домовой! – Он вежливо кивнул деду. Тот троекратно раскланялся, прижав руки к груди. По хитрому выражению лица было видно, что он получает огромное удовольствие от такого внимания к своей персоне.

– У вас пятнадцать минут, – Андрей переключил наше внимание на себя, отчего домовой обиделся и, что-то бормоча себе под нос, побрел в сторону леса.

– Странный домовой, – прошептала мне на ухо Лариска. – Обычно, домовые не могут выходить из дома.

– Почему? – так же шепотом спросила я.

– Так положено, они привязаны к месту, где живут. Только хозяин может перенести домового из дома в дом, в шапке или в обуви. Это неписанный закон. Ты что, лекцию по домашней нечисти пропустила?

Мы вошли в дом. Изнутри он был гораздо больше, чем казался снаружи. Посредине столовой стоял деревянный стол со скамейками по бокам, накрытый белой скатертью с вышитым орнаментом по краю.

В углу стоял рукомойник, а рядом на стене висело льняное полотенце, которое когда-то называли рушником.

Пол комнаты занимала большая русская печь. Зачем стояла печь, если в Зоне круглый год лето, было непонятно.

В спальню для мальчишек вела дверь в стене, еще одна – в кладовку, где хранились консервы и крупы.

На второй этаж тянулась лестница, накрытая пестрой дорожкой, связанной из полосок разноцветной ткани. Такие были у моей покойной бабушки, она сама великолепно вязала их крючком.

Пока мы внимательно рассматривали дом, за печкой что-то зашуршало и огромный черный кот, не спеша, вышел нам навстречу. Он презрительно посмотрел на нас, сверкнув зелеными глазами, зевнул, показав белоснежные клыки, потянулся, выпустив длинные когти и, вальяжно растянулся посреди комнаты, нервно подергивая хвостом.

– Все ходют, ходют! Покоя от вас нет! – раздался скрипучий голос из-за печи.

В комнате появилась невысокая горбатая женщина, с растрепанными грязными волосами и морщинистым лицом. Она засеменила к столу, пнув по дороге кота, который, обиженно мяукнув, запрыгнул на печку, где и улегся, свесив вниз хвост со вздыбленной на нем шерстью.

Женщина вытерла руки о свой грязный фартук и, налив в кружку молока из кувшина, стоявшего на столе, уселась на скамью. Она посмотрела на нас, нахмутив косматые брови, достала из кармана горбушку черного хлеба и принялась есть, запивая молоком. Молоко тонкой струйкой стекало по ее острому подбородку, что несколько ее не смущало.

– А вы, вероятно, кикимора? – придя в себя от неожиданности, спросил Колобков, при нашем гробовом молчании. Он, как и мы, впервые был в Зоне, поэтому пребывал в некоторой растерянности.

– Кому кикимора, а кому и Анна Ивановна Запечная! – стряхнув крошки хлеба со скатерти прямо на пол, заявила тетка и, поднявшись, прошаркала обратно за печку.

Проходя мимо кота, она сильно дернула его за хвост. Кот взвыл, прижав уши к голове, но не тронулся с места, поколачивая хвостом о беленую стену печи.

– Кикимора запечная, – напомнил Колобок. – Вы же все это проходили! Почему такая растерянность? – Он пытался выглядеть уверенным, но у него это плохо получалось.

– Теория и практика – разные вещи, – рассудительно заметил Коля Иванов.

– Привыкайте, дорогие мои, – посоветовал Колобок. – Вы должны научиться реагировать на происходящее адекватно!

Мне показалось, что он был абсолютно согласен с Ивановым, только не подавал виду. Ему, как преподавателю, было положено ничему не удивляться!

– А чего она с нами так невежливо? – обиделся за всех Сандуленко.

– Вежливость ему подавай! – тут же проскрипел голос из-за печи. – Шляются тут всякие, а потом ложки в доме пропадают! Понаехали!

– Да не нужны нам ваши ложки! – возмутился Жуков. – Тоже мне, ценность! Это просто некрасиво с вашей стороны! – В ответ раздалось невнятное бормотание.

– Не обращайтесь на нее внимания! – вмешалась Эльвира. – Она не такая злая, как кажется. Правда, Анна Ивановна? – громко спросила она.

– А что Анна Ивановна? Я сто лет Анна Ивановна! Сiju тут, вяжу, никого не трогаю! – Мне показалось, что в голосе кикиморы появились испуганные нотки.

– Вот и хорошо. – Черепанову вполне удовлетворил такой ответ. – Не обижай моих студентов!

– А кто их обижает? – кикимора жалобно всхлипнула. – Они сами кого хочешь обидят! Едут и едут, а я во всем виновата! – всхлипы перешли в глухие рыдания, которые на Эльвиру не произвели ни малейшего впечатления.

Мальчишки с Дмитрием Федоровичем остались внизу, а мы поднялись на второй этаж. Там было две спальни, расположенные напротив друг друга. Одну из них заняли мы с девчонками, а другую – Эльвира Петровна.

Через пятнадцать минут все собрались на веранде, где нас ждали Андрей и, вернувшийся из леса, Доброжил.

Ребята, – Аникин был серьезен, – у нас очень сложная ситуация. Совет выбрал лучших из вас. Нам поручено исследовать Зону и выяснить, что с ней происходит.

– А что случилось? – растерянно захлопала глазами Лариска, невежливо перебив Андрея.

Он поморщился, как от зубной боли, но не стал делать замечание.

– Зона неожиданно стала расширяться, ее границы меняются с каждым днем, а это может быть опасно. В лесу появились новые жители, многие из которых негативно настроены по отношению к людям. В общем, с Зоной что-то происходит и мы должны выяснить, что именно и почему.

– Нежить полезла со всех сторон! – вмешался Доброжил. – Сладу с ними нет! Альвы попрятались, боятся нос высунуть, гмуры из подземелья не выходят! На прошлой неделе ярмарка в Заречье была, так они не пришли, побоялись! Чего теперь делать будем? Ох, горе, горе! – Он покачал головой. – Спасать Зону надо!

Аникин продолжил инструктаж:

– В лес отправляемся парами, с собой берем амулеты, соль, заговоренную воду и так далее. Теорию вы все знаете на «отлично», но будьте осторожны, поведение местных жителей стало нетипичным, что усложняет задачу. С мелкой нечистью каждый из вас справится самостоятельно, не мне вас учить, но при необходимости обращайтесь к преподавателям. Сотовые телефоны в Зоне не работают, вас предупреждали, поэтому на связи постоянно будут братья Королевы. Как проводить сеанс телепатической связи все знают, но Эльвира Петровна еще раз напомнит, – он кивнул Черепановой.

– При передаче сообщения следует успокоиться, расслабиться и четко сформулировать свою мысль. Если для кого-то текстовые сообщения представляют сложность, можно воспользоваться образами, соблюдая четкую последовательность. Братья Королевы – самые опытные телепаты нашего института, именно поэтому Совет выбрал их. Сигнал опасности посылаем с выбросом негативных эмоций и картинкой вашего местонахождения. Всем понятно? – Эльвира заметно волновалась.

– А обратная связь? – спросила Марина Власенко.

– Все как обычно. Сигналом будет служить звук или образ колокольчика. Если кто-то из вас раньше других вернется на базу с новой информацией, Королевы немедленно передадут ее мне или Дмитрию Федоровичу. Саша, Ваня, – обратилась Эльвира к близнецам, – сосредоточьтесь, проверим обратную связь. Сначала я. – Через секунду она удовлетворенно кивнула. – Теперь Белова.

Я услышала нежный мелодичный звон в голове и, увидев мысленную картинку – нарисованную рожицу с высунутым языком, почувствовала, что хулиганит Ванька.

– Все нормально, Эльвира Петровна, – отрапортовала я, незаметно показав Ваньке кулак. Он в ответ высунул язык.

– Иванов и Цой тоже остаются на базе, – заявила Эльвира после проверки. – Это не обсуждается, – строго добавила она, в ответ на умоляющие взгляды шаманов. – Для вас есть другое задание. Жуков, Сандуленко отправляются с Андреем Павловичем, Власенко и Злотников – с Дмитрием Федоровичем, Белова и Князева – самостоятельно. Старшая в группе – Белова. Девчонки, вы только поосторожнее, – тихо добавила она, – я вас догоню позже.

Собрав все необходимое, мы вышли на улицу.

На крыльце печально восседал Доброжил, про которого все забыли.

– Сашка, давай деда с собой возьмем, – предложила мне Лариска. – Может чем поможет, он же местный.

– Чему ты меня только что учила? Сама говоришь, что домовый даже из дома не должен выходить, а не то что в лес!

– Ты забыла, что Андрей сказал? Жители стали вести себя нетипично, – резонно заметила Лариска. – Это многое объясняет. Может Доброжил как раз и есть нетипичный домовый.

Мы подошли к деду и, Лариска ласково спросила:

– Хочешь с нами пойти, дедушка?

– Еще чего! – буркнул Доброжил, с осуждением оглядев наш наряд – шорты и легкие майки. – Вырядились, словно мавки! Стыда у вас нет! – Он сплюнул себе под ноги. – Чего творится, чего деется?! Все с ног на голову перевернулось! Идите уже, бесстыдницы!

– Так ведь жарко, дедушка! – попыталась робко оправдаться я.

– Значит так, уважаемый Доброжил, – решительно вмешалась Лариска, – ты нас тут не стыди! Ишь, выискался, умник! У самого под носом безобразия творятся, а он вместо помощи критику развел! Ты смотри у меня, дед, договоришься!

– Да что ты, взбесилась? – пошел на попятную дед, – я же по-хорошему.

– Ничего себе по-хорошему! – возмутилась Лариска. – Ты, часом не забыл, что мы ведьмы? Стыдить он нас вздумал! Ты скажи спасибо, что мы на метле голыми не летаем! А то я быстро тут Вальпургиеву ночь тебе устрою!

– Ничего я не забыл! – поспешил оправдаться домовый. – Да неужто я своих не признаю? Сразу признал. Я со всем уважением к вам! Только вот помочь не смогу. – Дед почесал лысый затылок.

– Это почему еще? – не унималась Лариска.

– Эх, ты! Ведьма, а не знаешь, что домовые в лес не ходоки! А может вы и не ведьмы вовсе? – вкрадчиво спросил он. – Что-то не больно похоже!

– Ведьмы, ведьмы! – заверила его я.

– Ты, дед, головы нам не морочь! Ты же сегодня в лес ходил! – рассердилась Лариска. – Я сама видела!

– Не ходил я в лес! – в свою очередь возмутился Доброжил. – Маленько на опушке постоял, с Плодичем покалякал и вернулся! – Немного помолчав, он тоскливо добавил, – нельзя мне в лес, с Лесовиком повздорил.

– А чего так? – поинтересовалась я.

– Лесавки на днях пошалили, а я поругал их маленько, – он тяжело вздохнул.

– Знаем мы твое «маленько», – поддразнила Лариска, – наверное, весь лес твой бас слышал!

Дед обиженно засопел.

– Ладно, не расстраивайся, еще помирись, – утешила Лариска. – Главное дом хорошенько стереги, чтоб нечисть не просочилась!

– Это мы запросто! Это мы всегда! Мы свои обязанности хорошо знаем! – Доброжил прямо раздулся от важности возложенного на него поручения.

Вскинув рюкзаки на плечи, мы отправились в лес.

Домовой почтительно проводил нас до опушки, пожелав доброго пути.

– Зачем ты с ним так грубо? – укоризненно спросила я Лариску.

– Грубо?! – Князева расхохоталась. – Это еще ласково! С ними так и надо, иначе на шею сядут. Был у моей бабки один такой умник. Она с ним и так и этак, а он, пакостник, в погребе половину сметаны слопает, а в остальную нагадит. Долго она мучалась от доброты своей душевной, пока я не приехала к ней в гости.

– И что? – заинтересовалась я.

– А ничего! Я ему быстро мозги на место поставила. На все продукты в доме заклятие наложила, а его предупредила, что если еще раз напакостит, посажу в шапку и к местному алкоголику в дом перенесу. Там жрать нечего. Хулиганства домового, Василий по пьяни не замечит, а трезвым он редко бывает.

– А почему этот ваш Василий к твоей бабке лечиться не пошел? – спросила я. – Она же у тебя великолепная травница! Другой такой еще поискать надо!

– Не хочет он лечиться, – пояснила Лариска. – Ему лет семьдесят уже, а живет один. Говорит, что скучно без водки. Да и не пьет он много, так, лишь бы навеселе быть. Еще ни разу не напивался до того, чтобы упасть и уснуть.

– А как же похмелье? Неужели с утра головной болью не страдает?

– А чего ему страдать? К бабке сбегает, отварчика покланчит и здоров, – пожала плечами Лариска.

– А зачем же она дает?! – возмутилась я. – Не хочет лечиться – пусть страдает! В конце концов сам виноват!

– Жалеет, – рассудительно ответила подруга. – Без нее он бы давно уже на тот свет отправился.

– Нашла, кого жалеть! – фыркнула я.

– Ничего ты не понимаешь! – почему-то разозлилась Лариска. – Он ее всю жизнь любит, только молчит.

– А ты откуда знаешь?

– От верблюда! – огрызнулась она. Я поняла, что ляпнула глупость. Действительно, откуда ведьма может это знать?

Тропинка вывела нас к небольшой земляничной поляне и исчезла. Мы осмотрелись. Ягода была крупная, сочная. Лариска не выдержала первой и принялась собирать землянику, с удовольствием отправляя в рот. Я быстренько к ней присоединилась. Мы так увлеклись, что не сразу заметили присутствие третьего.

– Это кто же позволил вам без спроса мою ягоду собирать?! – почти пропел мелодичный голос у нас за спинами.

Мы дружно уставились на невесту откуда взявшегося старичка. Маленький, сгорбленный, седобородый и седовласый он стоял посреди поляны и с укоризной смотрел на нас, опираясь на кривую палку.

– А кто сказал, что ягода ваша? – не растерялась я.

– Я сказал! – сурово отрезал старик.

– Очередной занудный персонаж, – заключила Лариска. – Ягоду пожалел, жмот! – Она вполне освоилась в Зоне и, по-моему, уже ничему не удивлялась.

– Не жмот я! – обиженно возразил старик. – За порядком слежу! Если каждый без спроса будет ягоду лопать, то ее не напасешься! Ягодка, она присмотр любит!

– Это кто ж тебе поручил за ягодой следить? – ехидно поинтересовалась я, теряясь в догадках, кто перед нами.

– Как это кто? – изумился старик. – Испокон веку так повелось! Ягодинич я. Должен за ягодой следить! Можете хоть у Лешего спросить, он подтвердит! – дедок гордо выпрямился, отчего стал выше ростом и как-то солиднее.

– Дедушка, – я решила зайти с другой стороны, – можно нам твоей ягоды собрать? Уж больно она красивая да сладкая! Сама в рот так и просится!

– Да отчего же нельзя, – расплылся от удовольствия Ягодинич, – она на то и растет, чтоб ее собирали да ели! Кушайте на здоровье! Я еще выращу!

– Ну вот, – всплеснула руками Лариска, – без разрешения нельзя, а с разрешением – пожалуйста!

– Порядок такой! – возразил старик, хитро прищурившись. – Ягоды мне не жалко, а уважение проявить надо! В чужой лес пришли, уважайте порядок!

– Ты лучше скажи, дед, чужаков не видел? – приступила к основному заданию Лариска. – Говорят нежити много в лесу появилось?

Ягодинич опасливо оглянулся и торопливо зашептал:

– Чужаков пруд пруди! Я слышал, что выручить нас хотите? Вы только постарайтесь, а то нечисть по всему лесу расползлась! Русалки озверели, лобасты на берег стали выходить! К Ясе Звездной сходите, поспрошайте, может, подскажет чего, а мне пора, Лесовик для доклада ждет, – торопливо закончил он и исчез.

– Ну вот, они уже в панике! – Лариска немного расстроилась. – Ничего сказать толком не успел, а уже смылся!

– Все про нечисть говорят, а мы с тобой никого из них не встретили. Почему? Послушай, какая тишина! Даже странно. – Я задумалась.

– Нежить ближе к ночи активизируется, – ответила Лариска. – Где Ягу будем искать? Может и правда что посоветует.

В голове прозвучал колокольчик. Ванька спросил, как дела. Я ответила, что никак. Он отключился.

Мы оставили земляничную поляну – ягода больше в нас не лезла, и, по едва заметной тропинке, углубились в лес.

Остановившись под раскидистой грушей, мы решили перевести дух, было слишком жарко. Высокая дичка надежно закрывала наши головы от солнечных лучей и дарила такую желанную прохладу.

Я достала из рюкзака флягу с брусничным морсом и сделав пару глотков, протянула ее подруге.

Не успела она поднести флягу к губам, как на наши головы посыпалась древесная труха.

– Что за черт! – ругнулась Лариска. Она подняла голову вверх, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь густую листву. – Вроде ветра нет, – растеряно сказала она, – Может белка?

Я почувствовала довольно сильный удар по лбу. К моим ногам упала маленькая недозревшая груша.

Следующий плод полетел прямо в голову Лариске. Она тихонько ойкнула и присела от неожиданности, потирая макушку.

– Что это было? – с обидой спросила подруга, словно это я запустила в нее грушей.

Я сама была в растерянности, поэтому не нашлась, что ответить. Как дура, задрав голову вверх, я пыталась разглядеть хулиганистую белку, пока на нас не посыпался целый град из трухи, мелких веток, листьев и недозрелых плодов дички.

От такого натиска, не понимая, что происходит, мы присели под толстым корявым стволом, прикрыв головы руками.

Атака закончилась так же неожиданно, как началась. Сверху послышался залиvistый детский смех. Детей было, как минимум, двое, потому что голоса отличались – один был звонкий, как колокольчик, а другой – немного визгливый и более тонкий.

– Кто там?! – рассерженно спросила Лариска. – Немедленно спускайтесь, иначе уши надеру!

С ветки спустился жирный паук и, быстро вращаясь вокруг ее головы на тонкой нити, обмотал лицо и волосы липкой паутиной.

Лариска завопила на весь лес, лихорадочно сдирая паутину с лица. От ее крика, паук вошел в ступор, а затем, быстро перебирая мохнатыми лапками, ретировался, скрывшись в густой листве.

– Ненавижу, когда паутина касается лица! – с отвращением сказала подруга, немного успокоившись.

– Ты же сама ее используешь в своих снадобьях, – напомнила я.

– Это не одно и то же! – возразила Лариска. – Когда паутину берешь в руки, ощущения совсем другие!

Сверху опять раздался смех. Листва на самых нижних ветках слегка дрогнула и расступилась, показав на мгновение детское личико. Лесавка хихикнула и пропала.

– Вот баловница! – с некоторым облегчением вздохнула Лариска. – Выходи, мы тебя не обидим!

– Домовой тоже так говорил, – пискнул детский голосок, – а сам на весь лес крик поднял! Батя не любит, когда в лесу шумят!

– Ты одна? – спросила я маленькую шалунью.

– Одна! – засмеялась колокольчиком она.

– Идите сюда, – ласково попросила Лариска. – Мы поговорить хотим!

– Говорите, – четыре ножки-веточки свесились с толстой ветки груши. Затем появились два хитрых личика, выглянув сквозь листву. Лесавки сидели на ветке, болтая ногами и с любопытством посматривая на нас.

Меньше всего они походили на человеческих детей. Худенькие, прозрачно-зеленые лица, тоненькие, покрытые молодой листвой веточки вместо волос, хрупкие ножки и ручки, напоминающие корявые палочки. Все вместе создавало впечатление, что два маленьких деревца вдруг ожили и заговорили.

– Расскажите, что в вашем лесу происходит? Вы глазастые, все замечаете! – Лариска ласково улыбнулась детишкам лешего и болотной кикиморы.

Лесавки, существа веселые и шаловливые, ни секунды не могут посидеть на месте. Им все интересно, они все замечают. Очень любят пугать людей и подстраивать мелкие пакости – то трухой обсыпят, то тропинку запутают, то паутиной обмотают. Им весело, а незнающие их характера люди, пугаются, что и нужно неугомонным лесавкам.

– Вчера мужика в лесу видели, – пискнула одна и засмеялась. – Его лобаста к себе заманила и утопила!

Лобасты, более опытные и сильные русалки, предстающие в образе полумертвых старух, вполне могли утопить человека. Они гораздо старше обычных русалок, а, соответственно, хитрее и безжалостнее. Обладая волшебными голосами, они очаровывают путников, заманивая их в воду, а затем топят, высосав из них необходимую энергию.

– Не может быть, – Лариска строго погрозила им пальцем, – людей в лесу нет!
– А вот и есть! Луки тоже видели! – засмеялись обе лесавки и исчезли в густой листве.
– Перепутали что-то, – махнула рукой я, – фантазерки!
– Может и перепутали, – Лариска задумалась, – только на них это непохоже. Лесавки все замечают, все видят. Они, по сути – глаза и уши целого леса!
– Ну допустим, что они видели человека. Кто это может быть?
– Не знаю. – Лариска нахмурилась. – Может кто случайно забрел в Зону? Грибник, к примеру, или дачник?

Мы продолжили путь, все время думая о том, что сказали лесавки.

Погода была чудесной, жара немного спала и лес зазвенел птичьими трелями. Постепенно, за разговорами, мы забыли зачем шли, наслаждаясь прогулкой.

– Знаешь, мы не зря так хотели сюда попасть! – вырвалось у меня. – Посмотри, какая красота! Все эти сказочные существа, лес, воздух!

– Не расслабляйся! – предупредила Лариска. – Забыла что сказал Андрей? Зона меняется, поэтому неизвестно, с чем мы можем столкнуться!

– С гмурами, альвами, лесными друдами, – стала перечислять я, услышанное на лекциях по истории магии.

– С волотоманами, чудью белоглазой, панями, псиголовцами, троллями, – подхватила Лариска. – Ты кого ни будь из них в глаза видела?

– Нет, – честно призналась я.

– Вот именно! Так что не расслабляйся! Об этих волшебных народах почти ничего не известно, остались только обрывки легенд. Откуда ты знаешь, чем нам грозит встреча с троллями?

– О троллях я знаю только то, что эти великаны – выродившиеся потомки титанов, некогда изгнанных с берегов Средиземного моря на север. Они населяли леса и горы, владели черной магией и могли превращаться в скалы. В конце концов выродились окончательно!

– А ты знаешь, что они были злобными людоедами? – Лариска скорчила зверскую рожу. – А если они не выродились?

– Прекрати меня пугать! – возмутилась я.

– Ладно, – сжалась подруга. – Все остальные не такие страшные. Они людского племени. Часть их смешалась со славянами, часть – с иными народами. Друды, например, предположительно происходят от сына Велеса, бога скота и богатства – Анта Велесича и Прии Богумировны. Они когда-то смешались с актами, от которых произошли некоторые казачьи и черкесские роды. От Велеса Асилы вели свой род великаны асилки и волотоманы. Потом они смешались с предками белорусов, поляков и кельтов. На Урале и русском Севере жили чужь белоглазая и дивьи люди. Они были одним родом, а потом дали начало арийским и финским родам.

– Сразу стало понятнее! – ехидно заметила я. – Ты сама-то поняла, что сказала?

– Честно говоря, не очень. Все старославянские боги такие древние, что следы некоторых совершенно потерялись! Языческие верования переплелись с мифологией индоевропейцев, древних германцев, кельтов, греков и римлян. После крещения Руси, черты народной мифологии сохранились только в обрядах, поверьях, сказках и загадках!

– В общем, сам черт голову сломит! – подвела итог я.

– Ну почему? Если проследить общие корни, то становится гораздо понятнее. Например, Хорс – бог солнца. Его имя – производное от «хоро» – круг и «коло» – кольцо. Отсюда слово «хоровод», болгарский танец «Хоро» и «коловрат» – восьмиконечная свастика, славянский знак вращения солнца.

За разговорами мы шли уже больше часа, но ничего не происходило. Больше мы никого не встретили. Было такое впечатление, что лес затаился, наблюдая за двумя молоденькими

ведьмами. Присутствие лесных жителей чувствовалось, но на встречу с нами они не торопились. Может, не доверяли? А может просто чего-то боялись?

Остановившись передохнуть, мы вдруг услышали жалобный голос:

– Скорее! Помогите! Не могу больше!

– Кто это? – вздрогнула от неожиданности Лариска. – Из наших здесь никого не должно быть.

– Подожди, я свяжусь с Ванькой! – Мне срочно пришлось избавиться от волнения и сосредоточиться.

Ванька подтвердил, что наших в данном секторе нет. Он передал сигнал «осторожно!» и отключился.

Не вняв предупреждению, мы медленно пошли на голос, который продолжал звать и стонать, затихая где-то неподалеку. Мы решили, что женщина случайно заблудилась и попала в беду.

Под ноги неожиданно выскочил маленький лохматый моховик – существо, похожее на маленького, только пушистого, а не колючего ежика. Его шерсть похожа на мох, такого же зеленовато-бурого оттенка, поэтому он легко прятался в мшаниках, оберегая свои владения.

– Не ходите туда! – нервно пропищал он и поспешно скрылся в густой траве.

– Может, и правда вернемся? – с сомнением спросила подруга, вслушиваясь в затихающий голос.

– А если помощь нужна? – возразила я и решительно двинулась дальше.

Лариска, вздохнув, поплелась за мной.

Вскоре мы вышли к болоту. Голос был едва слышен, как будто женщина теряла последние силы.

Прыгая с кочки на кочку, мы подошли почти вплотную к тому месту, откуда слышался голос, когда нога Лариски соскользнула, и она почти по пояс увязла в трясине.

Пытаясь помочь, я потянула ее за руку и сама оказалась в липкой грязной жиже. Нас медленно, но верно стало затягивать в болото. От страха мы позабыли все заклинания и только беспомощно барахтались, цепляясь за редкую болотную траву, вырывая ее с корнем и увязая все глубже и глубже.

Мы уже стали задыхаться, когда пришла неожиданная помощь. Болото под ногами вдруг затвердело и нас буквально выкинуло из липкой трясины.

Очутившись на тропинке, мокрые и грязные, мы увидели Эльвиру. Она стояла на краю болота и осуждающе качала головой:

– Ну и куда вас понесло?

– Мы хотели помочь, – стуча зубами от холода и страха, едва произнесла я.

– Кому?! – Эльвира засмеялась.

– Там женщина в болоте т-тонет, – сообщила я, с трудом разжав зубы.

– Женщина? Это болотная мавка! Хорошо, что я вовремя подросла! Вам же объяснили, что кроме нас, людей в Зоне нет! Не может никто тонуть в болоте!

– Нам лесавки сказали, что лобаста мужика в омуте утопила! – возразила Лариска.

– Какого еще мужика? – рассердилась Черепанова.

– Мы н-не знаем! – Лариску трясло, как в лихорадке.

Рядом расхохоталась болотница. Эльвира щелкнула пальцами и болотница, поперхнувшись, замолкла.

– Скажите спасибо, что Ванюша не растерялся и сообщил, что вы в болоте увязли.

– А как он узнал? – недоверчиво спросила я.

– Ты же сама сигнал опасности передала, вместе с картинкой! – удивленно сказала Эльвира.

- Не заметила, – призналась я. – Наверное от страха все из головы вылетело!
- Давайте сушиться, ведьмы-недоучки! – усмехнулась она.

Эльвира сотворила заклинание и наша одежда мгновенно высохла. Кое-как согревшись на солнышке и счистив с одежды грязь, мы, уже вместе с ней, двинулись дальше, искать пристанище Яси Звездной, а попросту – Бабы Яги.

– Ягодинич дал вам хороший совет, – сказала Эльвира. – Если она не знает, что происходит с Зоной, то не знает никто! Только вот где ее искать? Людям это почти не под силу!

– А правда, что Яга людей в печи сжигает? – спросила Лариска.

– А кто тебе сказал, что она должна быть доброй со всеми? – вопросом на вопрос ответила Эльвира. – Она, своего рода жрица, разделяющая мир на добро и зло. Она действует по своему разумению и ее очень сложно понять неподготовленному человеку. Кому-то поможет, а кого-то сожжет в очищающем от скверны пламени! Обращаться к ней можно только в случае крайней необходимости. Чтобы найти у Яги помощь и получить совет, мотивация должна быть значимой, иначе она разгневется!

– А у нас крайняя необходимость? – на всякий случай поинтересовалась я. Как-то совсем не хотелось гореть в пламене, даже очищающем!

– Думаю, что да, – немного подумав, ответила Черепанова. – Может погибнуть уникальный мир!

Солнце клонилось к закату. Лес потемнел и еще больше затих. Он стал густым и недобрым, пугая редкими вскриками птиц.

Под ноги то и дело попадали старые коряги, замедляя наш, и без того нелегкий, путь.

Мы порядком устали, но о возврате на базу никто не думал, времени у нас было немного, а результатов никаких. Расширение и непредсказуемость Зоны реально угрожали нашему миру. Мы были просто обязаны узнать причину такого изменения.

Остановившись для очередного отдыха, мы поняли, что окончательно заблудились. Вокруг – сплошной бурелом и ни одной, даже едва заметной тропинки.

– Эльвира Петровна! – взмолилась Лариска, – вы ведь уже не первый раз в Зоне, неужели не можете найти дорогу?

– К сожалению, не могу, Зона меняется. Там где раньше были тропинки, теперь болота, там где был лес – поляны. Придется просить помощи. – Эльвира была невозмутима.

– У кого? – удивилась я, – здесь же никого нет!

– Так только кажется, – улыбнулась Эльвира. – Лесовик-хозяин, может, выручишь? – негромко спросила она.

Подул ветер. Деревья зашумели, и к нам вышел юноша в белой рубаше с красным поясом, черных штанах и зеленой шляпе. Левый сапог был надет на правую ногу, а правый – на левую. Из-под широкополой шляпы выбивались светлые кудрявые волосы, почти закрывая лицо. Помахивая свежей веткой березы в руках, он спросил:

– Зачем звала, Петровна?

– Заблудились немного, батюшка, – с почтением поклонилась Эльвира лешему. – Ягу Виевну ищем, вопросы к ней есть. Поможешь?

– Азовушку не так просто отыскать. Ушла она с границы, на темную сторону переселилась. Лес поменялся, тропинки перепутались, – он покачал головой и превратился в глубокого старика, сторбленного и седого. – Придется вам самим постараться, а я, ежели что, помогу. Позвать меня знаешь как. – Он вдруг вырос метров до трех и с легким хлопком исчез, оставив нас стоять с раскрытыми ртами.

– Ничего себе! – восхищенно проговорила Лариска.

– А чему вы удивляетесь? – спросила Эльвира. – Лесовик, Лешок, Лешак, Лисун, Пушевик, Волчий пастырь и так далее, – решила прочесть она короткую лекцию. – Способен менять свой рост, может выглядеть, как обычный человек или принять любой облик. Живет в глуши,

подальше от людских глаз. Оберегает лес от напастей, перегоняет с места на место белок, зайцев и другую живность, управляет волками. Не переносит грубости. Иногда может помочь человеку, если его вежливо попросить.

– Блуждает по лесу, качается на деревьях, свищет, хохочет. Хлопает в ладоши, громко кричит разными голосами, иногда обзаводится женой и детьми, – добавила я.

– Совершенно верно, – подтвердила Эльвира. – Теорию вы помните, а на практике теряетесь, не сразу понимаете то, что видите.

– Мы исправимся! – дружно пообещали мы, разглядев едва заметную тропинку, оставленную нам Лесовиком.

К ночи лес совсем изменился. Верхушки деревьев засеребрились в лунном свете, приняв совершенно волшебный вид. Звездное небо казалось усеянным светлячками, таким высоким оно было.

Лес разговаривал сам с собой – по краям тропинки то и дело слышались шорохи, повизгивания и невнятное бормотание. Где-то ухал филин, вызывая невольную дрожь в спине.

Тропинка привела нас к реке и пропала.

– Река Смородина, – Эльвира сбросила с плеч рюкзак, и устало опустилась на траву. – Здесь, пожалуй, и передохнем. Только не спать, пока я не поставлю защиту! – предупредила она. – К воде близко не подходить! Не хватало, чтобы вас русалки в омут утащили!

Мы с облегчением упали рядом с ней, радуясь долгожданному отдыху и возможности поесть.

Консервы и простая вода показали шедевром кулинарного искусства!

Разомлев после ужина, мы лежали, уставившись на полную луну. Разговаривать не хотелось, каждый думал о своем.

– Совсем забыла! – Эльвира подскочила и стала лихорадочно рыться в рюкзаке. – Вот бестолковая! – ругала она сама себя. – Хорошо, что не уснули!

После коротких поисков, на свет была извлечена пачка заговоренной соли и Черепанова принялась очерчивать круг, шепотом произнося заклинания.

– Теперь мы в относительной безопасности, – удовлетворенно произнесла она, закончив свою работу. В ответ где-то вдалеке заухал, захохотал филин.

У меня по спине поползли мурашки. Я первый раз ночевала в лесу, да еще в волшебном!

– Сашка, тебе тоже страшно? – спросила Лариска, уткнувшись носом мне в ухо.

– Нисколько! – бодро ответила я, крепче прижавшись к теплому боку подруги.

Под тихое сопение Лариски, я, незаметно для себя, задремала.

Очнувшись я оттого, что вдруг почувствовала приглушенное дыхание. Меня охватила паника.

Луна скрылась за тучами, и я ничего не могла разглядеть. Лихорадочно нащупав в кармане куртки фонарик, я осветила прямо перед собой и вскрикнула от неожиданности и страха. Прямо надо мной склонилась безобразная, лохматая голова старухи, с горящими как угли глазами.

Лобаста что-то прошамкала беззубым ртом и скрипуче засмеялась. Я выронила фонарик, который тут же погас.

Пытаясь нащупать в траве фонарь, я несколько раз толкнула Лариску, но она только промычала что-то нечленораздельное и не проснулась.

Когда я вновь включила свет, рядом уже никого не было, я даже подумала, что мне приснился кошмар. Оглядевшись, я поняла, что Эльвира тоже исчезла.

Приказав себе не паниковать, я улеглась на место, широко раскрытыми глазами уставившись в темноту. Хотелось заорать, что есть мочи, но я сдержалась, меня охранял круг.

Примерно через час свет фонарика потускнел, и мне пришлось его выключить, ради экономии батареек. Страх не проходил, не давая уснуть.

У самой воды раздался тихий шорох, кто-то осторожно двигался в мою сторону. Я поспешно включила фонарик.

Шорох затих и послышался всплеск воды, затем тихий смех.

– Иди сюда! – позвал мелодичный голос. – Иди! Вода теплая! – Русалка вновь засмеялась.

У меня в груди что-то сжалось и меня неудержимо потянуло к воде. Русалка продолжала звать, то, смеясь, то рыдая.

Я собрала всю свою волю в кулак и быстро прочла заклинание. Сразу стало легче. У воды все затихло.

Я полежала еще немного, прислушиваясь к каждому шороху, а затем незаметно уснула.

На рассвете меня разбудила Лариска воплем:

– Эльвира пропала!

– Спать надо было меньше! – в свою очередь заорала я, вспомнив кошмарную ночь.

– А кто спал?! – нахально возразила Лариска, даже не покраснев. – Пол часика подремала и все!

– Пол часика? Да ты всю ночь дрыхла, пока я тут с лобастами воевала да от русалок отбивалась!

– Тоже мне, героиня, – миролюбиво проворчала подруга, – могла бы и меня разбудить. Все самое интересное из-за тебя пропустила!

– Как же! – усмехнулась я. – Тебя разбудишь! Впрочем, – успокоила я ее, – ничего интересного, кроме жуткого страха не было!

– Где Эльвиру искать? – перебила Лариска, с беспокойством оглядываясь.

– Не надо меня искать, – Черепанова вышла из леса. Она выглядела отдохнувшей и вполне довольной.

– Где вы были?! – с укоризной спросила я. – Мы думали, что вы в беду попали!

– Ну что может случиться с такой старой ведьмой, как я, – засмеялась Эльвира. – Умывайтесь и пойдем в гости! Нас пригласили на завтрак!

– К кому? – Мы удивленно уставились на преподавателя.

– Да так, – Эльвира загадочно улыбнулась, – старая приятельница. Только поторопитесь, а то опять тропинку не найдем!

Дом стоял у ручья, в окружении белоствольных берез и кустов жасмина. На крыше журавли свили гнездо.

Окна украшали белые занавески в синий цветочек. Рядом с домом, на аккуратных грядках росли: петрушка, укроп, зеленый лук и морковь, в общем, все то, что растет в огороде любого дачника.

На резном крылечке лежал букет свежесорванных полевых ромашек, со слегка поникшими головками.

Навстречу нам, с улыбкой вышла стройная девушка лет двадцати, в простом ситцевом сарафане и длинной косой по пояс.

Девушка была потрясающе красива. Она поздоровалась и с поклоном пригласила нас в дом.

Усадив нас за широкий стол, она подмигнула Эльвире и весело сказала:

– Давайте знакомиться, студенты! Я вас еще вчера ждала. Лесавки от Доброжила узнали, лукам разболтали, а те уже мне аукнули. – Она перекинула косу с одного плеча на другое. – Меня Василисой зовут. Вы тут отдохните, а я на стол соберу. Перед дорогой поесть надо. – Она вышла, оставив нас одних.

– Кто она? – поинтересовалась Лариска.

– Василиса – альвинка. Одна из последних в своем роду. – Эльвира грустно покачала головой. – Считается, что раньше альвы заселяли землю наряду с другими волшебными наро-

дами. По легенде, от великого бога-кузнеца Ильма Сварожича и прекрасной Алины Святого-ровны ведут свой род гмуры и альвы.

Гмуры, или гномы пошли в отца, они похожи на людей, только меньше ростом. Это великие мастера-кузнецы, знающие все тайны гор. Альвы или альвины – пошли в мать, прекрасную Алину. Они – мудрецы и волшебники, но владеют лишь добрым волшебством и не могут причинить зла. Именно они научили людей тайным наукам и магии, за что на них обрушился гнев властителей, служащих темным силам. Альвы не переносят подземелий, поэтому, им труднее было прятаться от людей и вскоре, почти все альвы были истреблены.

– Бабушка мне рассказывала, – вспомнила я, – что последним пристанищем альвов была Эвлисия – Лебединая страна возле Алатырской горы.

– Я слышала, что где-то в океане есть остров, куда переселились последние альвы, – мечтательно подхватила Лариска. – Там вечная весна, только людям нет дороги к этому острову. Там цветут деревья и кусты! Там чистые, холодные родники! Там много-много ягод и плодов! Альвы, наверное, там счастливы. – Она закрыла глаза, унесшись мыслями куда-то далеко.

– Все может быть, – вздохнула Эльвира. – То что нам кажется сказками, может существовать где-то совсем рядом. Как эта Зона, например!

Вернулась Василиса с нехитрым завтраком, который принесла на медном подносе изумительной красоты.

– Гмуры подарили в прошлом году, – пояснила она, заметив наши восхищенные взгляды. – Они ведь мне родня, вот иногда и балуют подарками.

С аппетитом, поглощая сочную ягоду со свежим хлебом, и запивая все парным молоком, Лариска спросила:

– Василиса, а вы научите меня своим травяным рецептам? Никто лучше альвинов не знает секреты зельеварения!

– Конечно, – с улыбкой кивнула та, – для этого вы и проходите практику в Зоне.

Почему вы называете это место Зоной? – удивилась я. – Разве это не ваш мир?

– Василиса Артуровна не коренной житель Зоны, – пояснила Черепанова. – Она наш сотрудник – доктор философских наук, историк и дочь Артура Викторовича Грофта.

– Вот это да! – выдохнули мы одновременно с Лариской. – Артур Викторович – альв?!

– Представьте себе! – подтвердила Василиса, весело глядя на наши глупые физиономии.

– Но зачем вам история и философия? – с недоумением спросила Лариска. – Вы же волшебница!

– Магия сродни науке, – усмехнулась она.

– В каком смысле? – не поняла я.

– И та и другая направлены к определенным целям, которые тесно связаны с человеческой природой, – пояснила Василиса. – Магия направлена на достижение практических целей. Она, как и наука, имеет собственное техническое оформление. Амулеты, обереги, отвары, настойки, обряды и заклинания вместо научных формул.

– Заклинание – как математическое уравнение, – сообразила Лариска, – только сложнее.

– Вот именно, – подтвердила Василиса, – в заклинании, так же как в уравнении – одна ошибка и оно не сойдется!

– Правда, если ошибешься в заклинании, то можешь такого наколдовать – мало не покажется! – скромно заметила я.

– Это точно! – рассмеялась Василиса.

Пока Лариска с Василисой бродили по ближайшему лугу, собирая только им известные травы, мы с Эльвирой Петровной решали – что делать дальше?

– Придется к Топельнику обратиться, – после долгого раздумья решила Черепанова. – До святок, конечно, далеко, но вдруг уговорим его заглянуть в зеркало.

– Зона меняется, вода мутнеет, болот больше появилось. Водяной зол – может отказать, – засомневалась я.

– Наверняка откажет, – согласилась Эльвира, – придется уговаривать.

– Может ему жертву принести? – осенило меня. – Как положено, по всем правилам!

– А что?! Это идея! Ты молодец, Сашка! – обрадовалась Эльвира. – Василиса поможет его уговорить. Он альвов уважает – они лес и водоемы берегут.

– По осени Водяному лошадь положена. Где искать ее будем? – поинтересовалась я.

– Еще чего! – возмутилась Эльвира. – Гусем обойдется! Мы их спасти пытаемся, а они выпендриваться будут?! Пойдем, – она за руку потащила меня к двери.

Позади дома, метрах в ста, располагался небольшой прудик, заросший камышом и осокой. Оттуда доносилось довольное кряканье уток.

Осторожно раздвинув камыши, мы увидели мирную картину: посреди водоема плавала пара белых лебедей-шипун, рядом деловито ныряли несколько уток, а у самого берега щипали траву гуси.

Заметив нас, гусак угрожающе вытянул шею и зашипел, оберегая многочисленный выводок.

Гусыня предусмотрительно отплыла подальше, загородив собой десяток почти взрослых гусят, которые, не обращая на нас никакого внимания, щелкали клювами по воде, вылавливая всякую мелочь.

Эльвира что-то зашептала, вытянув руку к воде. Один из гусят послушно подплыл к ней и доверчиво положил голову ей на ладонь.

Взрослый гусак попробовал ущипнуть Эльвиру, но, получив щелчок по носу, величаво отплыл прочь, пытаясь сохранить свое гусиное достоинство.

Без всякого труда Черепанова взяла гусятенка на руки, хотя «гусятенок» – слабо сказано. Это был гусь! Упитанный гусак, с плотным блестящим оперением, ярко-красными лапами и сильным твердым клювом!

– Килограммов шесть, – на взгляд прикинула Эльвира. – Водяной будет доволен!

– А что он с ним делать будет? – погладила я гусятенка по белой шее.

– Не знаю, – Эльвира пожала плечами. – Может, как игрушку оставит, может – сомам скормит.

– Жалко гуся, – я дотронулась до его клюва.

Этот паршивец извернулся и цапнул меня за палец. Я поспешно отдернула руку с выступившими капельками крови, тут же пожалев о своих словах.

К полудню, в сопровождении Василисы, мы добрались до большого озера. В него впадала неширокая речушка, на берегу которой стояла старая полуразрушенная мельница.

Вода в озере была чистой и прозрачной. Где-то на глубине прозрачность переходила в густо-синий цвет, надежно укрывая дно от любопытных взглядов.

Берега, заросшие гибким ракитником, были достаточно крутыми, поэтому мы не смогли спуститься к воде.

– А почему озеро не переполняется? – спросила Лариска.

– Подземные реки, – коротко ответила Василиса. Она наклонилась и, подобрав небольшой камушек, бросила его в озеро, рядом с большим круглым камнем, выступающим из воды и наполовину заросшим мхом.

По воде разбежались круги, но ничего не произошло.

– Нужно попасть по камню, – сказала она, – тщательно прицеливаясь.

– Почему по камню? – спросила я.

– Камень – баюн, – пояснила Василиса. – Особый резонанс. Где бы не находился Водяной – он услышит.

– Ничего себе «баюн»! Он же наоборот, мертвого разбудит! – Лариска подала Василисе горсть мелких камней.

– Если камнем о камень стукнуть, то разбудит. – Василиса опять не попала, неловко бросив камень. – А вот если вечером, после захода солнца, посидеть на берегу, то песню камня можно услышать и уснуть навеки. – Из воды вынырнула молоденькая русалка и, взмахнув хвостом, скрылась в глубине.

Наконец Василисе удалось задеть камень-баюн. Надь гладью озера раздался нарастающий гул. Виски заломило от непереносимого звука.

Минут через пять гул стал затихать, а затем, перейдя в тихий стон, исчез.

Из воды вновь вынырнула русалка и, ловко взобравшись на камень, уселась, наполовину свесив зеленый хвост в воду.

Я впервые видела живую русалку, поэтому с любопытством стала ее рассматривать, сравнивая с описанием в учебнике. Бледное миловидное личико, тонкие голубоватые губы, узкие, почти прозрачные глаза и совсем не зеленые, а белобрысые волосы, прикрывающие обнаженную грудь мокрыми спутанными прядями. Русалка молчала, в свою очередь, внимательно рассматривая нас.

– Позови Хозяина! – приказала Василиса.

В глазах русалки мелькнула насмешка. Она медленно повернула голову из стороны в сторону, что должно было означать отказ, плеснув хвостом по воде.

– Она меня не боится, – смущенно опустил голову, сказала Василиса. – Она знает, что альвины не могут нанести вреда.

– Зато я могу! – вмешалась Эльвира, недобро сверкнув глазами.

Узнав ведьму, русалка вздрогнула и, соскользнув с камня, торопливо скрылась под водой, оставив расходящиеся по воде круги.

Мы ждали не менее двадцати минут. Наконец, вода у самого камня забурлила и показалась лохматая голова Водяного.

Он, кряхтя, взобрался на камень и сел, уставившись на нас выпуклыми, как у лягушки, глазами.

Его кожа имела голубоватый оттенок и была сплошь покрыта бородавками. Спутанные волосы, усы и борода зеленого цвета почти целиком прикрывали бочкообразное тело.

Я присмотрелась и поняла, что в волосах запутались мелкие водоросли и тина, отчего они и казались зелеными.

Так же как у русалки, у него был рыбий хвост, только с более крупной чешуей, кое-где покрытый плесенью, как у старой щуки.

– Чего хотели? – с недовольным видом спросил Топельник, вынув из бороды лягушку. Он покрутил ее в перепончатых пальцах и бросил в воду.

– Отчего не поторопился, батюшка? – вежливо спросила Василиса.

– Не знал, красавица, что ты в гости пожаловала, – проквашал он. Голос, в самом деле, напоминал лягушачье кваканье.

– Не лукавь, батюшка, – улыбнулась Василиса, – все ты, хитрец, знал!

Водяной забулькал утробным смехом.

– Помощи от меня ждете? – спросил он, вдоволь насмеявшись. – Только зря пришли! Воду испоганили! Болота кругом. Водяницы-девицы злыднями стали! – Он в ярости затрусил зеленой бородой. – Людей к нам пустили! А ведь я сразу был против! Не послушали! Эх, вы! – он махнул рукой и отвернулся.

– Напрасно ты так, батюшка! – возразила Василиса. – Альвы всегда природу берегли, о чистоте рек и озер заботились!

– Где они, альвы? – с горечью квакнул Топельник. – Все по норам попрятались!

– Люди помочь хотят, – словно не слыша его, продолжила Василиса.

– Чем они помогут? Люди давно законы природы забыли!

– Не совсем, батюшка, – решила вмешаться Эльвира. – Законы мы помним. – Она достала из полотняного мешка гуся, который молча сидел там все это время. Гусь возмущенно зашипел, норовя ухватить ее за руки. – Прими, хозяйин водяной, наш подарок от всего сердца. – Она разжала руки.

Гусь плюхнулся в воду, подняв фонтан брызг. Эльвира поклонилась Водяному.

Некоторое время Топельник молча дулся, краем глаза наблюдая за гусакom. Тот, быстро освоившись в новом водоеме, с энтузиазмом нырял, добывая нехитрую пищу.

– Ладно, – наконец проквакал Водяной. – Вижу, законы вы помните. Подношение приму. От меня чего хотите? – Он вопросительно взглянул на Эльвиру.

– Загляни в зеркало водяное! Может, увидишь, что происходит вокруг?

– Я и так знаю, чего зря воду мутить, – проворчал Топельник. – Смотрел уже – ничего хорошего! Опасность извне приходит. – Он помолчал и продолжил возмущенно: – Упыри появились! Сроду у нас этих упырей не водилось! Да и откуда им взяться, ежели у нас люди не живут, окромя вас. Может у вас мертвяки уже есть? – с надеждой спросил он, кровожадно блеснув лягушачьими глазками.

– Все живы, – поторопилась заверить его Эльвира.

– Жаль, – водяной задумчиво пошлепал губами. – Намедни двоих мертвяков из воды достал, уже смердеть начали. Откуда взялись? – Он укоризненно обвел глазами всю нашу компанию. – Лешак сказывал, что упыри и возле вашей базы шастают! Куда смотрите?

– Как, возле базы?! – всплеснула руками Эльвира. – Ах, он, старый пень! У меня же там дети! Надо немедленно возвращаться! – повернулась она к нам.

Позабыв попрощаться с водяным, мы почти бегом вернулись в дом Василисы, затратив на обратный путь гораздо меньше времени.

Быстро собрали вещи, провели сеанс связи с братьями Королевыми и, немного успокоившись, отправились на базу.

Василиса пошла с нами. В джинсах и спортивной майке, она совсем перестала напоминать Василису прекрасную – просто красивая девчонка.

– Взрослых на базе нет, – на ходу сообщила Эльвира. – Королевы обеспокоены, домовой странно себя ведет. Посторонних тоже не заметили, хотя это не исключает их присутствие.

– Они не могут слышать мысли мертвых, – на всякий случай пояснила Василиса, хотя мы и так это прекрасно знали. Нежить – она и есть нежить.

Не успели мы толком углубиться в лес, как сразу заблудились.

Лес стал хмурым и казался опасным. Знакомая тропинка пропала, а на ее месте дыбились колючками кусты терновника. Проплутав напрасно и исцарапавшись до крови, мы сели под ближайшим кустом.

– Что делать будем? – невесело спросила Эльвира. Она огляделась, но судя по выражению лица, не узнала места.

– Тропинка здесь, я ее чувствую, – Василиса протянула руки и поводила раскрытыми ладонями. – Друды могут показать дорогу, но не хотят. Пройти мы не сможем, они меня не слушают. Они испуганы, – добавила она растеряно.

От засыхающей чинары отделилась полупрозрачная тень друды – духа дерева. Размытая фигура девушки с распущенными волосами печально покачала головой и стала таять.

Из синих глаз Василисы потекли слезы.

– Она умерла, – тихо сказала альвинка. – Дерево погибло и она вместе с ним.

Эльвира что-то пошептала, вычерчивая на земле знаки, но вскоре бросила это бесполезное занятие.

– Энергия Зоны резко уменьшилась, – Она решительно поднялась. – Придется идти напролом, волшебство здесь не поможет.

Рядом с Эльвирой внезапно возник Аникин – одежда порвана, лицо в грязи, взгляд сердито-обеспокоенный.

– Ты откуда! – с удивлением воскликнула Эльвира, от неожиданности отбросив формальности.

– Некогда объяснять, сейчас портал закроется! – отмахнулся он. – Быстро все ко мне!

Мы дружно прижались к Андрею со всех сторон и провалились в никуда. Пространство вокруг закружилось, вызвав легкую тошноту, и выплюнуло нас на поляне базы, аккуратно возле туалета.

– Ты зачем это сделал?! – накинулась Эльвира на Аникина, сверкая глазами. – Мы же договаривались – для всех ты только проводник! Никто не должен был знать, что ты маг!

– Помолчи, сестренка! – огрызнулся он. – Сейчас не до семейных скандалов! – Он торопливо бросился к дому.

– Сестренка?! – в два голоса, изумленно, воскликнули мы с Лариской, переглянувшись. Уж чего-чего, а этого мы совсем не ожидали!

Эльвира досадливо махнула рукой и бросилась догонять Андрея.

– А чему вы удивляетесь? – лукаво спросила Василиса. – Да. Они родные брат и сестра. Андрей маг высшей категории и мой жених, – она скромно потупилась.

– А как же..., – пролепетала растерянная Лариска.

– Андрей здесь в роли наблюдателя, поэтому ему нельзя было раскрываться. Видимо случилось нечто очень серьезное, если он на это решился! Пошли! – она уверенно направилась к дому.

Мы поплелись за ней.

Ребят дома не было.

На первом этаже все было тихо. На втором – вполголоса о чем-то спорили Эльвира и Андрей – их голоса то затихали, то звучали громче. Слов было не разобрать.

Мы устало опустились на скамью. Жутко хотелось есть.

– Явились! – ехидно проскрипел голос кикиморы из-за печки. – Домовой с ума сходит, а они шляются! – Растрепанная Анна Ивановна выползла из своего закутка. – Вон, сидит на печи в своем истинном обличье! Дармоед! – она забормотала что-то себе под нос и опять скрылась за печкой.

Громко и раздраженно мяукнул кот. Кикимора, как обычно, сорвала на нем свое плохое настроение.

– Доброжил! – позвала Василиса. – Ты хоть поздоровайся, я давно у тебя в гостях не была!

– Не больно важный гость! – недовольно пробурчал домовой, но с печки все-таки слез, вернее спрыгнул.

На полу оказалось маленькое, сантиметров пятьдесят ростом, существо – лохматое и пыльное. Существо чихнуло и засеменило к столу.

Василиса подхватила это чудо и усадила рядом с собой.

Доброжил помолчал немного, потом встряхнулся, как мокрая собака, подняв вокруг себя тучу пыли и, рывкнул басом:

– А где мои пироги?! В гости пришла, а подарков не принесла! – Он обиженно засопел, сверкнув буравчиками маленьких глаз.

– Принесла батюшка! – пропела Василиса, подмигивая нам. Она незаметно щелкнула пальцами и, на столе возникло блюдо с аппетитными пирогами.

Домовой опять встряхнулся – на этот раз пыли было гораздо меньше – и стал расти. Приняв знакомый облик старика, он деловито спросил:

– С чем пироги-то?

– И с творогом, и с ягодой, и с картошкой, – запела Василиса, пододвигая блюдо поближе к Доброжилу.

Аромат стоял такой, что Лариска не удержалась и потянула руку к пирогам. Я вовремя толкнула ее коленкой под столом, и она смущенно отдернула руку.

– Пахнут, как настоящие, – прошептала она мне на ухо.

– Для домового они и есть настоящие, – так же шепотом ответила я. – Он же дух, а значит может питаться энергией волшебства, причем, ему все равно, как эта энергия выглядит, пирогами или колбасой.

Доброжил тем временем с аппетитом уплетал румяные пироги, громко чавкая и постанывая от удовольствия. Вся борода и усы были усыпаны крошками, которые он периодически стряхивал на скатерть.

Наевшись до отвала, он громко рыгнул и, выбрав пирожок побольше, запустил его по направлению к печке.

Не долетая, пирожок растворился в воздухе. Из-за печи раздалось чавканье, немного в другой тональности.

– Доброжил, – вкрадчиво начала Василиса, – что дома делается? Какие новости? Никто не беспокоит?

– Как тебе сказать, Василисушка, – домовый пожевал губами, – много чего произошло. Шастает кто-то по ночам. Студенты ночь не спали, караулили. Я им говорил, что сам справлюсь, только они не послушались!

– Чего накараулили? – Василиса с трудом скрывала свое нетерпение.

– А ничего! Шебуршить – шебуршит! По духу – нежить, но на глаза не показывается. Ох, чую беду неминуемую! Да что же это делается?!

– А ты чего? – укоризненно спросила Василиса. – Лешак сказывал, что упыри в округе появились. Появились?

– Может и появились, – домовый равнодушно пожал плечами, – мне-то что? Меня упыри не тронут.

– Доброжил! – повысила голос альвинка, – да ты и впрямь рехнулся! Тебе дело доверили, а ты?

– А я вам что говорила! – подтвердила кикимора из-за печи.

– Мое дело дом охранять! – категорично заявил дед и замолк, исподлобья глядя на Василису.

– А чего ж не охраняешь? – голос Василисы стал вкрадчиво-угрожающим.

– Охраняю! – Доброжил гордо выпрямился. – Нежить в дом не лезет, а на улице – не мое дело! Домовому вообще не положено из дома выходить! Я не обязан упырей стеречь! – Он надулся.

– Я тебе сейчас устрою, пень старый! – не выдержала Лариска. – Ну-ка быстро рассказывай, пока в шапке из дома не выкинула!

– Правильно! – проскрипела кикимора. – Ему дело доверили, честь оказали бесстыжему! Совсем сдурел на старости! Уже триста лет стукнуло, а он...

– Помолчи! – рявкнула Лариска. – Тебя никто не спрашивает!

– А могли бы и спросить, – обиженно проскрипела кикимора, – не меньше его знаю!

– Так-так! – проворковала Василиса, сжимая кулачки. – С этого места подробнее! Что ты знаешь, говори!

– Упыри ночью по двору шастали! – почти мелодичным голосом откликнулась Анна Ивановна, радуясь такому вниманию. – В дом не полезли, а окна колупали! Студентов ваших перепугали, а они...

– Чего тебя, старую, понесло?! – с досадой прервал домовую. – Я и сам могу рассказать людям...

– Как же, ты расскажешь! – откликнулась кикимора. – Кто вчера с Лешаком шушукался? Кто решил не вмешиваться? Моя хата с краю! – передразнила она интонации Доброжила. – Все расскажу! Сговорились они, окаянные!

– Да я тебя..., – замахнулся на печку домовой.

– А ничего ты мне не сделаешь! – голос кикиморы становился все моложе и моложе.

– Я тебя из дома выгоню! Пойдешь на болото! – злорадно посулил Доброжил.

– Шиш, тебе! – Кикимора выскочила из-за печки с резвостью молоденькой девчонки. Она изменилась – горб пропал, волосы завитые, одежда чистая. – Я Запечная, а не болотная! – Щас все скажу! – Анна Ивановна встала посреди комнаты и подбоченилась, с вызовом глядя на Доброжила. – Значит так! Вчерась Доброжил с Лешаком под дверями шушукались, а я случайно услышала...

– Подслушивала! – негодуя заверещал домовой противно высоким голосом.

Кикимора слегка покраснела, хотя на ее лице это было почти незаметно.

– Супротив хозяина идешь! – Он закашлялся. – Да я тебе...

– Ша! – рявкнула кикимора басом. – Чего разорался?! Какой ты хозяин? Хозяин дом охраняет, за дело общее радеет! А ты, что? Как нашкодивший кот на печке спрятался!

– Это я кот?! – от возмущения у Доброжила мелко затряслась борода.

Диалог грозил перейти в затяжную ругань.

– Замолчите оба! – звонким голосом прикрикнула Василиса.

– А чего она?! – обиженно забормотал враз притихший домовой. – Я хотел сам все рассказать. Ну, приходил ко мне Лешак. И что с того? Может, он мириться приходил?! – Доброжил слегка повысил голос, с неприязнью взглянув на кикимору.

Та всплеснула руками:

– Опять за свое! Врать удумал?! А ну, рассказывай правду, пень старый!

– Не такой уж и старый! – запротестовал домовой. – Триста один годочек всего! Да я еще...

– Вы будете рассказывать?! – не выдержала Лариска. – У вас беда, а вы как дети ругаетесь. Сами себе помочь не хотите!

Нечисть, переглянувшись, одновременно смолкла.

– Ладно, – первым сдался домовой, – рассказывай сама! – Он горестно махнул рукой.

– Значит так, – продолжила кикимора торжественным голосом, – Лешак ему, – она кивнула в сторону Доброжила, – говорит: «В лесу безобразия творятся из-за людей. Пока их не было, в лесу порядок был. Недавно двух мертвяков у реки видел, а потом они пропали. Луки донесли, что они упырями стали и возле вашей базы шастают». Вот! – она замолчала, ожидая нашей похвалы за столь «ценную» информацию.

– Это все?! – в один голос воскликнули мы с Лариской.

Домовой злорадно улыбался, отвернувшись к окну.

– Где ребята? – раздался спокойный голос Эльвиры. Они с Аникиным торопливо спустились по лестнице.

– Я им не сторож! – тут же завопил домовой.

Эльвира так на него посмотрела, что он поперхнулся на самой высокой ноте и закашлялся, смущенно прикрыв бородатый рот рукой.

– Они не выходят на связь, – ответила Эльвира на наши недоуменные взгляды. – Я начинаю беспокоиться.

Дверь распахнулась, и ввалились живые и здоровые Санька и Ванька Королевы.

Домовой с кикиморой незаметно шмыгнули за печку.

– Где вы были?! – хором заорали мы, вскакивая со своих мест.

– Тихо! – Более рассудительный Санька в защитном жесте вытянул руки ладонями вперед, небезосновательно боясь, что их разорвут на мелкие кусочки. – Все нормально! Обследовали окрестности!

– Почему не отвечали? – Аникин решительно шагнул навстречу мальчишкам, машинально сжимая кулаки.

– Мы не отвечали?! – Они с удивлением переглянулись. – Эльвира Петровна, вы же с нами разговаривали!

– А потом? – Эльвира отчего-то забеспокоилась. – Пять минут назад я вас вызывала!

– Не было такого! – Мальчишки растерялись.

– А ну-ка, проверим! – скомандовала Эльвира и сосредоточилась.

– Мы ничего не слышим, – минут через пять сообщили вконец расстроенные близнецы.

– Я так и знала! – Эльвира устало потерла лоб. – Телепатические волны или совсем теряются или отклоняются в неизвестном направлении.

– Мы прекрасно обойдемся без связи, – Андрей обнял сестру за плечи. – Не волнуйся, мы справимся!

– Но у нас же дети! – почти простонала Эльвира, уткнувшись носом в плечо Андрея.

– Не такие мы и дети! – не выдержав, вмешалась я. – Почти все совершеннолетние!

– Вот именно! – подхватила Лариска. – Почти все совершеннолетние ведьмы и колдуны, а не дети! Вы нас недооцениваете!

– Может это мара балует? – спросил Ванька Королев, – поэтому связь пропала?

– А где ты оставил Жукова и Сандуленко? – обратившись к Андрею, спохватилась Эльвира, пропустив слова телепата мимо ушей.

– Не волнуйся, – Аникин вздохнул, – я оставил их наблюдать за входом, мне кажется, я его нащупал. Если ничего не изменится, мы сможем отправить детей обратно.

– Это хорошо. – Она рассеяно взглянула на Ваньку. – Что ты сказал?

– Я говорю, что мара ночью приходила, – он зевнул во весь рот.

Санька подхватил зевок и раскрыл рот еще шире.

– Мы почти всю ночь не спали, – пожаловался он.

– Доброжил! – Голос Эльвиры недобро зазвенел. – Откуда мара в доме?! Ты куда смотрел?! Я кому велела дом охранять?!

– А он с Лешаком калякал! – ехидно проскрипела кикимора. – Ему некогда было охранять! Совсем забыл свои обязанности! А я ему говорила...

– Не слушает она меня! – виновато отозвался домовый. – Говорит, что хозяин у нее тепе-рича другой.

– Понятно, – вздохнула Эльвира, – поэтому мудришь? Стыдно, небось? Не уберег дом!

– Ой, не уберег! – запричитал домовый. – Ой, не справился!

«Ты бы еще голову пеплом посыпал от раскаяния, старый хрыч!» – подумала я, глядя на его страдания.

– А где Иванов и Цой? – спросила Черепанова у близнецов.

– Мы не знаем! – бодро доложили братья.

– Да что же это такое?! – всплеснула руками Эльвира. – Теперь еще и их искать! Ну, на пол дня оставить нельзя! А еще говорите, что взрослые!

– Успокойся, найдем, – Андрей направился к двери.

– Почему у них фамилии разные? – на ухо прошептала Лариска.

– Я не знаю, – так же шепотом ответила я.

– Получается, что он мой троюродный дядька, а я ничего не знала.

– Потом, – отмахнулась я, пытаюсь расслышать, о чем говорят Эльвира и Василиса.

– Васька, – Эльвира говорила негромко, но мои любопытные уши, как антенны, улавливали все слова, – тебе придется пойти со мной. Андрей опытнее, поэтому он пойдет с ребятами. Колобкова надо найти, чувствует мое сердце, что беда с ними приключилась.

– Не переживай, подруга! – альвинка что-то зашептала ей на ухо, и я досадливо поморщилась, напрасно напрягая слух.

В дверях появился Аникин, держа за шиворот грязных и всклокоченных Иванова и Цоя.

Мальчишки дрыгали ногами в тщетной надежде освободиться из стальных рук проводника.

– Нашлись, голубчики! – Андрей, наконец, опустил бедолаг на пол. – Устроили засаду на опушке! Ну, объясните, кого вы там караулили?!

Коля Иванов с достоинством отряхнул одежду, причем, и себе и Ваське Цою, и гордо заявил:

– Упыря ловили!

– Ну и как, поймали? – насмешливо поинтересовалась Василиса.

– Ой, здрасте! – спохватился Коля. – А вы кто? – Он с любопытством уставился на альвинку.

– Это я вам потом объясню! – зловеще пообещала Эльвира, и он тут же скис.

– Мы ночью не спали, – начал рассказывать Иванов, – мара баловалась. Кому охота всю ночь кошмары смотреть? – он повернулся к Цою за поддержкой. Тот согласно закивал. – Я к окошку подошел, а там кто-то ходит. Станный такой. Двигается медленно, спотыкается. Я сначала подумал, что это Доброжил бродит...

– Чего это мне по ночам бродить?! – тут же возмутился домовый из-за печи. – Я ночами дома сижу, ваш покой охраняю!

– Наохранял уже! – прикрикнула Эльвира. – Лучше помолчи! – Домовой замолк, обидевшись.

– Я Ваську разбудил...

– Я не спал! – запротестовал Цой.

– Значит, хорошо притворялся! – огрызнулся Коля.

– Короче! – не выдержал этой тяготы Аникин. – Четко и ясно сообщите, что произошло?!

– Мы вышли на улицу около часа ночи, – Цой решил взять инициативу в свои руки, – было достаточно светло из-за луны, поэтому могу сказать, что мужчина потрепанного вида в рваной одежде, с окладистой бородой, босой. Лицо одутловатое, в синяках, поцарапанное. Глаза дурные, выражение лица – невменяемое. Похоже, утопленник, – доложил он.

– Как он себя вел? – спросила Эльвира.

– Попытался войти в дом, но не смог, что-то ему мешало, – по военному отчеканил Цой.

– Мешало мое заклятие, – нетерпеливо перебила Эльвира.

– Нас заметил не сразу, – стал объяснять Иванов, – а когда заметил, то замычал и пошел на нас с вытянутыми руками. Ну, мы ждать не стали, поняли, что упырь, и сразу в дом зашли.

– Мы только на рассвете решили его изловить, – стал оправдываться Цой, под суровыми взглядами коллег. – Он до самого утра под домом ходил, в окна шкрябался.

– А вы где ночью были? – угрожающе нежно пропела Эльвира, обращаясь к близнецам.

– Мы чуть-чуть раньше ушли, – сообщил Санька.

– Мы за вторым упырем пошли, – Ванька с честью выдержал яростный взгляд Черепановой. – Наш упырь раньше пришел, но ушел почти сразу. Мы с Саней за ним почти километр шли, а он гад, как сквозь землю провалился! Утром пошли искать его берлогу, но не нашли.

– Значит, так, – подвел итог Аникин, – без моего разрешения с территории базы – ни шагу! Все мыться, переодеваться и отдыхать!

Василиса с Эльвирой быстренько сбегали в душ и, прихватив Андрея, устроили экстренное совещание на троих, удобно устроившись на веранде.

Нам с Лариской, как дамам, уступили право помыться в баньке первыми, правда лица у пацанов были при этом не очень довольные.

Бревенчатая банька, маленькая снаружи, внутри оказалась достаточно просторной.

В светлом предбаннике стоял широкий стол с самоваром и всем необходимым для чаепития. На высоких полках лежали чистые простыни и полотенца. Приятно пахло дымком, квасом, малиной и свежеспиленным деревом.

Быстро скинув грязную одежду, мы приступили к мытью.

Я сто лет не была в настоящей русской бане, поэтому просто млела от наслаждения.

Добротнo смочив каменку квасом, мы нежились в клубах горячего пара, болтая о пустяках.

Лариска прихватила с собой отвар крапивы и усиленно смачивала свои, а заодно и мои волосы, попутно объясняя, как это полезно. Неожиданно она вскрикнула, подпрыгнув на полке.

Я тоже не удержалась от вскрика, когда кто-то чувствительно щипнул меня чуть пониже спины.

– Что это было? – одновременно спросили мы, глядя друг на друга.

Возле каменки раздался противный смешок.

– Тьфу, ты! – Лариска махнула рукой. – Не обращай внимания, это обыкновенный банник. – Делать ему нечего, так он людей пугает!

– Ничего себе не обращай внимания! – возмутилась я. – Больно же! – Я потеряла место щипка, догадываясь, что синяк будет внушительным. Почему у рыжих такая чувствительная кожа?

Банник опять хихикнул.

Минут пять я настороженно оглядывалась и щупала горячие доски в надежде поймать этого безобразника, потом успокоилась, но как оказалось, напрасно.

В разгар нашей беседы он сильно дернул меня, а затем и Лариску, за волосы. Я резко развернулась, хватая руками влажный воздух позади себя, но никого не поймала.

Хихиканье раздалось в другом углу.

– Ты посмотри, какая дрянь! – разозлилась я. – Поймаю, убью!

– Эй ты, хранитель бани, – негромко позвала Лариска. – Хватит баловаться! Я тебе откуп оставлю. У меня заколка красивая есть, пойдет?

Банник удовлетворенно хмыкнул и затих. Больше он нас не беспокоил, по крайней мере, в парной.

Какое это удовольствие – березовый веник, я описывать не буду, мы просто отдыхали, подлечивая уставшие тела и души, полностью расслабившись!

Вдоволь напарившись, уставшие от активного отдыха, но счастливые, мы обмотались, пахнущими свежестью простынями, и отправились пить чай.

В предбаннике было прохладно и тихо, если не считать чавканья, отчетливо доносившегося со стороны стола.

Прямо посреди стола, прислонившись спиной к горячему самовару, вальяжно расположился банник. Вполне упитанное, плешивое и розовощекое существо, ростом сантиметров сорок, одетое в длинную холщевую рубашу чуть ниже колен, хрюпало наше печенье, старательно обмакивая его в малиновое варенье и запивая ароматным чаем.

При виде нас банник любезно помахал пухлой ручонкой, не прерывая своего основного занятия – поедания наших продуктов.

– Это еще что такое?! – подбоченилась Лариска. – Кто тебе позволил безобразничать на столе?!

Банник тщательно прожевал печенье, проглотил, погладил себя по вздувшемуся животу, пошевелил босыми ногами, с тщательно подстриженными коготками, и уставился на нас глазами-пуговками.

– А я вас сюда звал? – изрек он неожиданным басом и обтер рот подолом рубахи, оголив толстые, короткие ножки.

– Интересно! – Лариска окинула его оценивающим взглядом. – Как ты думаешь, Александра, его утопить или просто за ноги подвесить? – обратилась она ко мне, незаметно подмигнув.

– Я думаю, что лучше в печку засунуть. Люблю жареных банников с хреном! – злорадно поддержала я, вспомнив про синяк.

– Сдурели что ли?! – пискнул банник и исчез. Он не ожидал от двух молодых девиц такой кровожадности.

– Видишь, как хорошо все обернулось, – Лариска приложила палец к губам, показывая, чтобы я молчала, – заколку не придется отдавать, она мне самой очень нравится!

Банник возник на старом месте, только не сидя, а стоя. Он в ярости так затопал ногами, что я испугалась за его пятки.

– Так не честно! – завопил он. – Я вас в баню пустил! Я вам помыться позволил! Я вас в свой родной дом...

– Не мельтеши! – прикрикнула Лариска. – Нечего было щипаться!

– Мне положено щипаться, – успокоился вдруг банник, снова переходя на бас. – Мое дело напугать, а ваше – откуп оставить! Так положено! Нельзя традиции нарушать, они не нами придуманы! Давай сюда заколку, раз обещала! – нагло потребовал он, протянув раскрытую ладошку.

– Это за что же тебе откуп? Ты воду носил?! Ты печку топил?! Даже чай пьешь из чужого самовара! – Лариска откровенно издевалась над мелкой нечистью.

– И печенье, между прочим, чужое слопал, – добавила я. – И баньку не ты строил! Скажи спасибо, что тебе жить здесь позволили! Он еще откуп требует, нахал!

– Да я..., да без меня..., – он покраснел от злости, раздув щеки. – Да без меня ваша банька развалится! Вот! – Он, наконец, нашел, что сказать.

– Не развалится, – успокоила его Лариска, – на нее заклятье наложено!

– Какое еще заклятье?! – перепугался банник. – Нет здесь никакого заклятия! Я ничего не чувствую, – он тщательно принахался, повертев головой в разные стороны. – Врете вы все!

– А ты у Доброжила спроси, – сочувственно кивая головой, посоветовала Лариска. – Он тебе все расскажет!

– Не надо ничего Доброжилу говорить! – запротестовал банник. – Он в последнее время сам не свой! Зачем зазря хозяина беспокоить? Пожалеем старика, а? – заискивающе улыбаясь, предложил он. – Он устал! Он за всех переживает!

– Нам надо подумать, – словно нехотя, проговорила Лариска и сдвинула красиво очерченные брови.

– И откупа не надо! – расщедрился банник. – Пусть у тебя останется! Таким красавицам все к лицу, – перешел он к откровенной лести. – Не будем беспокоить хозяина, а?

– Мы не только красавицы, мы еще и ведьмы! – окончательно припугнула его я.

– Батюшки! Да как же я сразу не признал! Простите великодушно! – залебезил банник, на всякий случай, отодвинувшись подальше, насколько позволял стол. – Чаек горяченький, варенье! Кушайте на здоровье! – он подвинул к нам блюдо с малиной.

– Ну, нахал, – засмеялась Лариска. – Нашим же чаем нас угощает!

– Я его подогревал! – обиделся банник. – Не цените вы заботу! – Он сел на край стола и насупился, болтая ногами.

– Ладно, не дуйся, – сжалилась травница. – Возьми, – она протянула заколку – самый обычный «краб» с приклеенным к нему кожаным цветком, великодушным жестом.

Банник жадно схватил безделушку и, прижав к груди, исчез.

Через пару секунд он возник снова, но уже без заколки.

– Так как насчет хозяина? – робко поинтересовался он. – Жаловаться не будете? – Он скромно поковырял стол большим пальцем толстенькой ножки.

– Тебя как зовут, горе луковое? – вздохнув, спросила Лариска.

– Афанасием кличут, – смущенно потупил глазки банник.

– Давай так договоримся, Афанасий, – предложила травница, – если что подозрительное у дома заметишь, сразу нам скажешь. Согласен?

– Да это мы с большим удовольствием! – обрадовался Афанасий. – Если что, враз доложим!

– Вот и договорились, – заключила Лариска.

Длинно и витиевато поблагодарив нас за великодушие, банник исчез.

Пока мы сушили волосы на освободившейся веранде, мальчишки всем скопом отправились в баню.

Прошли не больше двадцати минут, как оттуда выскочил, наскоро обмотанный простыней, Ванька Королев.

С выпученными глазами и мылом на волосах он понесся по направлению к дому, выкрикивая что-то невнятное.

Испуганная Эльвира Петровна уже бежала ему навстречу с немым вопросом в глазах.

– Колобков! Эльвира Петровна, Колобков со мной связался! – задыхаясь, стал объяснять Ванька, когда Эльвира поймала его посреди поляны. – Он сказал, что ребята попали в плен!

– В какой плен? – одновременно удивилась и испугалась она. – Где они?!

– Он сказал, что в Заречье, рядом с ярмаркой, стоит деревня и там люди!

– Какая деревня?! Какие люди?! – растерялась Эльвира. – Глупости! В зоне нет никаких людей! Что он еще сказал?

– Больше ничего, связь прервалась, – тихо произнес Ванька, как будто сам был в этом виноват.

Подбежали Андрей с Василисой и тут же устроили совещание посреди поляны, предвзительно отправив Королева в баню, а нас в дом.

Доброжил сидел на печи и лениво переругивался с кикиморой. Увидев нас, тут же спросил:

– А чего это из-за деревни все переполошились? Чем она такая особенная?

– А ты откуда знаешь? – вкрадчиво поинтересовалась я. – Подслушивал?!

– А чего мне подслушивать? – ни капли не смутился он. – Орали, как сумасшедшие!

– Так что ты по поводу деревни думаешь? – осторожно спросила Лариска.

– А чего об ней думать? – удивился домовой. – Деревня как деревня. Она тут испокон века стояла! Корчма при ней есть и ярмарку, стало быть, тоже там проводят.

– Так не было же никакой деревни! – мы были просто ошарашены словами Доброжила.

– Как это не было?! – возмутился он. – У кикиморы спросите, если мне не верите!

– Была! – подтвердила Анна Ивановна. – Всегда стояла у реки. Там у дороги и название к вехе приколочено – Пожары. Раньше то она Ручьями звалась, а как несколько домов сгорели, так Пожарами и стала.

– Ничего себе, новости! – переглянулись мы. Ситуация становилась все запутаннее.

В свете последних новостей было решено провести обряд общения с духами.

Использовать состояние измененного сознания предложили наши шаманы – Коля Иванов и Василий Цой. Чего они хотели добиться этим обрядом, я не знаю, но мы должны были использовать все варианты, чтобы узнать, наконец, тайну Зоны.

Васька притащил на поляну свой бубен и заставил всех нас стать в круг. Коля достал какую-то скляночку и что-то накапал из нее в стакан с водой.

– Скорее всего, настойка пейота, – объяснила мне Лариска. – Пейот можно использовать в виде настойки, а можно и сушеный.

– По-моему – это кактус? – вспомнила я.

– Да. Его еще называют мескалитом. Сильный галлюциноген, – подтвердила Лариска.

– А разве это не запрещено правилами института? – забеспокоилась я.

– Какие правила? – Лариска посмотрела на меня, как на чокнутую. – Нам бы выбраться отсюда живыми и здоровыми! Неужели ты не понимаешь, в какой опасности мы все?

Выпив настойку, Коля лег на спину, сложив руки на груди.

Васька стал бить в бубен.

Сначала удары были глухими, редкими и ритмичными. Постепенно они стали убыстряться, становясь все звонче и звонче.

Коля как-то странно дернулся и затих. Ритм ударов перестал убыстряться, держась на одной ноте. На слух это действовало завораживающе, хотелось раскачиваться в ритме бубна.

– Я его слышу! – вдруг радостно заявил Ванька.

– Говори вслух! – Эльвира тоже была этому рада.

Ванюша стал рассказывать:

– Он в норе. Нора очень узкая и ему трудно протиснуться. Он изменяет тело. Оно становится узким и гибким. Он скользит вниз, под землю.

На пути – густо сплетенные корни, он не может двигаться дальше. Тело становится текучим, как ртуть. Он протекает сквозь корни и двигается дальше. На пути подземная река. Течение несет его к пещере. Он в пещере, ищет выход из нее. Нашел. Впереди свет и зеленая поляна. Кругом цветы. Он видит озеро. Подходит к нему. Тело опять обычное. Вода в озере густая, как мед. Набирает воду в ладони. Вода медленно стекает вниз, меняя цвет – с голубого на зеленый.

На берегу сидит человек спиной к нему. Коля подходит к нему. Человек оборачивается. У него нет лица, только глаза. Глаза янтарно-желтые. Они плавают и меняют форму. Человек не хочет отвечать на вопросы. Он встает и уходит прочь. Коля растерян, он не знает, как вернуться обратно.

Ритм ударов убыстрился до такой степени, что звуки слились воедино.

Я посмотрела на Ваську. Он побледнел до синевы, не прекращая стучать в бубен с сумасшедшей скоростью.

Мы замерли в тягостном ожидании. До меня дошло, что это очень опасно. Коля мог и не вернуться из этого измененного состояния.

Наконец Иванов дернулся и открыл глаза.

Бубен опять сменил ритм. Удары стали медленнее и, наконец, совсем затихли.

Мы с облегчением перевели дух – к Ваське вернулся румянец.

– Все! – Васька расслабился. – Нужно отнести его в дом, он проспит несколько часов.

Мы дружно отволокли Колю в дом и уложили в кровать.

Он проспал почти до вечера, ни разу не шелохнувшись.

Когда Иванов проснулся, то выяснилось, что дух посоветовал искать. Что искать? Кого искать? Все, естественно, расстроились, хотя ничего существенного от этого обряда и не ожидали.

Андрей с Эльвирой, посоветовавшись, решили попытаться отправить ребят домой, их присутствие в Зоне стало необязательным, учитывая возникшую опасность.

Шаманы долго протестовали, затем упрасивали, но все было напрасно. Зона стала опасной и непредсказуемой. Эльвира с Андреем не захотели рисковать!

Телепортировались вчетвером. Меня Андрей взял на всякий случай, если Зона, вдруг, преподнесет неожиданный «сюрприз» и понадобится дополнительная сила ведьмы.

Когда головокружение прошло, я огляделась. Мы были в лесу.

Жуков и Сандуленко мирно спали под густой чинарой, несмотря на то, что солнце едва спустилось к горизонту. Сандуленко, крепко обняв Вовку Жукова, смешно шлепал во сне губами.

– Смотри-ка, даже защитный круг не забыли поставить, счастливики! – с завистью проговорил Коля, заметив рассыпанную соль.

– Андрей Павлович! – вновь заканючил Цой, – может мы останемся? Практика еще не закончилась! Мы еще пригодимся! Почему именно мы? Сейчас самое интересное начинается, а мы пропустим!

– По-моему, мы уже все решили, – Андрей к чему-то прислушался и с облегчением вздохнул. – Вход на месте!

У шаманов разочарованно вытянулись лица. Они до последнего момента надеялись, что вход исчезнет и они останутся в Зоне.

– Вам повезло, – Андрей несколько раз обошел предполагаемый вход в Зону, он же – выход, который на этот раз располагался между двумя кустами бузины.

– Ага, повезло, как утопленникам! – «обрадовано» отозвался Коля. – Кому повезло, так это Сандуленко с Жуковым! Спят, как младенцы и не о чем не думают!

Володьку и Серегу Аникин будить не стал, чтобы они не задавали лишних вопросов.

– Ребята, – напутствовал он шаманов, – пробовать вход нельзя, боюсь, что он сдвигается при его активации, поэтому вы рискуете. Я очень боюсь за вас, но другого выхода нет. Как только перейдете, сразу – в институт. Расскажите все Грофту. Если он сможет что-либо предпринять, будем только рады, если нет – постараемся справиться собственными силами. Ну, все! Надеюсь, до встречи! Ни пуха, ни пера!

– К черту! – дружно ответили шаманы и шагнули между кустами. Пространство вокруг задрожало, воздух слегка помутнел, затем опять стал прозрачным.

– Как я и предполагал, вход сдвинулся. Где теперь его искать? – вздохнул Андрей и принялся будить незадачливых охранников.

На обратном пути случилось то, чего мы опасались – портал стало глючить. Мы почувствовали это одновременно и, усилиями четырех магов, попытались его скорректировать. Попытка удалась, но не совсем. Нас зашвырнуло прямо в середину пруда позади дома.

Водоплавающих в воде, к счастью, не было – солнце уже зашло, поэтому мы избежали довольно болезненных щипков братьев наших меньших.

Прудик оказался мелким, но илистым. Пока мы барахтались в воде, скользя ногами по дну – весь ил поднялся на поверхность. Прудик превратился в грязную лужу, что, естественно, не прибавило приятного вкуса воде, которой мы невольно наглотались. Наконец, общими усилиями, помогая друг другу, мы выбрались на берег.

Компания выглядела очень живописно. Андрей Павлович заимел на шее чудненькое ожерелье из грязно-бурых водорослей и кособокий шиньон из зеленой тины на голове.

Володька, обвешанный водорослями с ног до головы, вытащил из-за шивороты симпатичного лягушонка, Сергей был просто грязным, как поросенок, а про меня даже говорить не стоит (мальчишки долго хохотали).

Когда мы, мокрые и грязные, ввалились в дом – смеяться стали все, включая домового и кикимору.

– Ну вы, прямо как водяные! – добродушно похрюкивал Доброжил.

– Ой, злыдни болотные! – повизгивая, вторила ему кикимора, пока Лариска не прикрикнула на них.

Приведя себя в порядок и, наскоро поужинав, все отправились спать, оставив для охраны дома Жукова и Сандуленко, которые, на свою беду, уже выпалились под чинарой. Они получили строгие инструкции: не спать, из дома не выходит, в случае опасности – будить Андрея.

Ночь прошла на удивление спокойно, хотя наши горе сторожа, все-таки, уснули под утро, в чем и были уличены бдительным Доброжилом.

Упыри не появились, быть может, их больше привлекла деревня, так неожиданно возникшая в Заречье.

Утром мы узнали, что банник Афанасий доложил домовому о том, что в Пожарах изловили ведьму и двух колдунов и собираются их сжечь на ярмарочной площади, дабы навести порядок и избавить деревню от упырей, которых своим колдовством вернули к жизни упомянутые чародеи.

Информация была передана вездесущими листочками, которые случайно гоняли ветер у деревни. Им можно было верить, поскольку эти невидимые духи природы могли заглянуть в любой уголок, управляя своими тихими ветерками.

Нам стало по-настоящему страшно. Было решено срочно отправляться на выручку.

Василиса где-то достала старую лошадь и телегу, на которой нам предстояло отправиться в Пожары.

Лошадь, как объяснила она, нужна для маскировки, чтобы не отличаться от приезжих из других деревень. Василиса полагала, что Пожары не единственная деревня в Зоне, возникшая на пустом месте. Как выяснилось позже, она оказалась абсолютно права!

Василиса нарядила нас с Лариской и Эльвирой Петровной в праздничные сарафаны из своего гардероба, заплела наши волосы в косы и украсила их яркими лентами.

В телегу она погрузила несколько корзин с ягодами для продажи на ярмарке, которую объявили в честь казни колдунов. Видимо, жители новоиспеченной деревни предпочитали получать все удовольствия сразу! Интересно, в чью дурную голову могла прийти идея, совместить казнь с веселой ярмаркой?!

Андрею досталась рубаха с вышитым воротом и широкие шаровары. Я заподозрила, что это его собственная одежда, которую он носил в Зоне, когда отсутствовали студенты-практиканты.

Жуков и Сандуленко получили приказ – хорошенько выспаться, все-таки большую часть своего дежурства они не спали. Ребята попробовали было протестовать, но с Андреем и Эльвирой такие номера не проходят, характеры у них, точно, родственные.

Санька и Ванька, как всегда, остались на связи, обиженно надувшись на такую вопиющую несправедливость. Пока все исследовали территорию Зоны, они торчали на базе, обеспечивая связь.

Ванька попробовал напомнить Эльвире, что связь пропала, но это не помогло.

– В любой момент все может измениться! – отрезала Черепанова. Разговор был закончен.

Почти всю дорогу мы уныло плелись за телегой, жалея бедную клячу, которая и так еле передвигала ноги. Она останавливалась у каждого дорожного столба и возобновляла движение лишь после того, как ей в морду тыкали пучок травы, маня за собой.

Через пару часов, мы плюнули на жалость, поскольку жаркое солнышко сделало свое дело – головы разболелись, дорожная пыль осела на наших разгоряченных телах, а собственные колени стали подгибаться при каждом шаге. Все, кроме альвинки, взгромоздились на скрипящую телегу.

Почувствовав вес наших четырех упитанных тел, поскольку Василиса не захотела напрягать бедное животное, кобылка обиженно заржала и остановилась совсем. На все наши уве-

щевания и крики «но!» она не реагировала, а только упрямо мотала головой. Пришлось, как миленьким, глотая пыль, идти пешком по проселочной дороге до самой речки.

У реки, в ожидании переправы, прямо на траве сидели люди.

Две бабы необъятных размеров прижимали к себе огромные корзины – из одной доносился пороссячий визг, из другой – квохтанье кур.

При виде нас бабы еще крепче вцепились в свои корзины, с опаской поглядывая в нашу сторону, видимо воровство в Зоне расцвело махровым цветом.

Из корзины с курами высунул свою голову пестрый петух и звонко заголосил. На самой высокой ноте он, вдруг, поперхнулся и конфузливо спрятал голову обратно. Куры осуждающе закудахтали.

Три мужика, в таких же нарядных рубахах, как у Андрея, покуривали, засунув руки в карманы.

Прежде чем вернуться на базу, Василиса дождалась переправы.

Огромное бревенчатое сооружение, именуемое паромом, тянули четыре гмура. Было видно, что это работа дается им с трудом – они то и дело вытирали со лбов выступающий пот.

Как только паром причалил к берегу, крестьяне наперегонки ринулись занимать места, словно боясь не успеть.

Попав, наконец, на долгожданный паром, они в растерянности заматались, не зная, где лучше устроиться – места было многовато для пяти, даже очень крупных, крестьян.

Мы, не спеша, без излишней суеты, загнали на паром упрямую кобылу вместе с телегой и удобно устроились на сене, посреди корзин с ягодой.

Василиса подошла к гмурам, чем очень их обрадовала. Было видно, что они знакомы не первый день.

Гмуры окружили альвинку плотным кольцом и о чем-то возбужденно заговорили на своем гортанном языке, размахивая руками.

Картина напомнила сказку о Белоснежке и гномах. Маленькие гмуры едва доставали до колен Василисы. Телосложение у них было довольно плотным, а мускулистые руки казались чересчур длинными. Видимо, гмуры обладали недюжинной силой, если вчетвером могли тянуть тяжелый паром.

Их одежда выглядела вполне скромно – кожаные куртки без рукавов, скорее жилетки, и штаны, сплошь покрытые металлическими заклепками. На головах красовались широкополые, остроконечные шляпы, надежно прикрывающие их лица от солнца.

Все четверо были до неприличия мохнаты – волосы густыми пучками торчали из ноздрей и ушей, не говоря уже о бородах и общей волосатости тел.

Василиса заговорила и гмуры тут же умолкли, внимательно слушая.

Она махнула рукой в нашу сторону и, наклонившись, что-то зашептала. Гмуры согласно закивали головами.

– Ну что? – подошла к нам Василиса, окончив разговор. – До встречи?!

Андрей соскочил с телеги и, обняв ее за плечи, отвел в сторонку.

Они недолго поговорили, затем Аникин крепко обнял альвинку и, осуждающе взглянул на наши любопытные лица. Мы дружно сделали вид, что заняты серьезным разговором и никого в упор не видим!

Он с нежностью поцеловал Василису, что-то ей прошептал. Она украдкой смахнула слезу, а у меня противно заныло под ложечкой в предчувствии неприятных событий.

Когда Василиса ушла, помахав рукой на прощанье, Аникин сообщил:

– Гмуры сегодня не возьмут с нас денег за переправу, а на обратном пути придется платить. Какие деньги появились в Зоне – мы не знаем, но нужно их заработать.

– Проще наколдовать! – фыркнула Лариска.

– Князева, ну чему я вас учила? – покачала головой Эльвира. – Иллюзия держится не больше часа, кроме того, это обман. Кого ты хочешь обмануть? Гмуров, которые из сил выбиваются, чтобы заработать эти гроши?! Или, может, в корчме расплатимся иллюзорными деньгами, чтобы нас тут же отправили на костер, как ведьм?

– Я об этом не подумала, – покраснела Лариска.

Эльвира тактично не стала развивать эту тему дальше.

На ярмарочной площади было многолюдно, хотя самой торговли не было. Прилавки только готовили к предстоящей ярмарке, ремонтируя крыши и столы.

Толпа собралась в центре площади, рядом с приготовленным столбом, помостом и костром. Похоже, что все ждали казни, как циркового представления.

Мы привязали лошадь рядом с такими же клячами, в специально отведенном месте, и отправились обозревать окрестности.

Площадь была достаточно большой. С одного края строгими шеренгами стояли торговые ряды, сегодня пустовавшие. С другого – возвышалась церквушка с позолоченными куполами, скорее всего крашеными, и небольшой звонницей.

Деревенские домишки вплотную окружали площадь – их было около сотни. В основном дома были маленькими, с покосившимися частоколами и латаными крышами, хотя встречались и настоящие терема с высокими крылечками и флюгерами на крышах.

Недалеко от церквушки стояла корчма, с шикарной вывеской и зазывной картиной у входа – толстая тетка в праздничном деревенском наряде держит в руках расписной поднос с пирогами и бутылью мутного цвета.

При виде вывески мой желудок недвусмысленно дал понять, что не возражает против плотного обеда, тем более что запахи, доносившиеся сквозь неплотно прикрытые двери, содействовали выделению желудочного сока.

Внезапно толпа заволновалась. Люди стали перешептываться, толкая друг друга локтями и показывая пальцами на церковь.

Из церкви вышел священник в длинном черном одеянии, напоминавшем сутану. Одежда имела такой вид, словно была в стирке лет двадцать назад и ее забыли выгладить.

Голову священник прикрывал объемным капюшоном так, чтобы не было видно лица. Его сопровождали несколько служек, несшие в руках длинные витые свечи белого цвета.

Священник величаво взошел на помост и поднял руку.

Я мысленно пожелала ему совершить публичный акт самосожжения.

Толпа притихла.

– Братья и сестры! – воззвал он заунывным, блеющим голосом. – Завтра, на этой площади свершится правосудие! Мы очистим наши жилища от скверны! Одержимые Дьяволом будут сожжены в очищающем пламени господнем! Простим их, братья и сестры, ибо не ведают они, что творят! Помолимся за них, грешных! – Толпа упала на колени.

Я стояла, раскрыв рот, пока Лариска не дернула меня за подол. Я поспешно бухнулась рядом, больно ударившись коленом.

– Дьявол среди нас! – вдруг истошно завопил священник, усиленно размахивая кадилом. – Дьявол! – истерично подхватила толпа, исступленно забившись головами о пыльную площадь.

– Прости, нас, Господи! – не унимался он, тряся жидкой бородашкой. Толпа в экстазе вторила: – Спаси и помилуй!

– Они все здесь чокнутые? – вслух поинтересовалась я.

Люди рядом с нами стали оглядываться. Эльвира так на меня зыркнула, что дальнейшие слова застряли в горле.

Когда священник, закончив службу, с достоинством облезлого козла, покинул помост, толпа облегченно перекрестилась и стала рассасываться.

– Не мешало бы сходить в корчму, – Андрей вопросительно посмотрел на сестру. – Там многое можно узнать.

– Не мешало бы, – согласилась Эльвира. – Василиса дала мне пару безделушек, возможно корчмарь польстится. – Она достала из узелочка украшения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.